

Б-26590/
1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УФИМСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**ИТОГОВАЯ
НАУЧНАЯ СЕССИЯ
УФИМСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР
ЗА 1965 год**

(Тезисы докладов)

У Ф А 1966

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УФИМСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Б-26590/1

ИТОГОВАЯ
НАУЧНАЯ СЕССИЯ
УФИМСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР
ЗА 1965 ГОД

март 1966 г:

(Тезисы докладов)

У Ф А 1966

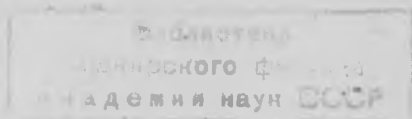
001 с61.8(башк) + 001 с61.8 + 001 (063)(башк) +
+ 001 (063)

Редакционная коллегия:

Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев, В. В. Сидоров, В. П. Чемерис, А. И. Харисов

Б-26590

~~98707~~

Сдано в набор 27/II 1966 г. Подписано к печати 19/III 1966 г.
П03584. Заказ № 312. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6.
Тираж 500 экз. Цена 42 коп.

г. Уфа. Полиграфкомбинат, проспект Октября, 2.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярким заключительным аккордом развития послевоенной башкирской литературы и одновременно началом современного ее этапа можно считать декаду башкирской литературы и искусства, состоявшуюся в мае 1955 г. в Москве. Подведение итогов декады сопровождалось глубокими раздумьями творческой интеллигенции республики о достижениях литературы и стоящих перед ней задачах.

Решения XX и последующих съездов партии, как известно, способствовали творческой активизации советских людей, подняли трудовой энтузиазм народа. Все эти перемены не могли не отразиться и в художественной литературе. Анализ наиболее значительных произведений показывает, что башкирские писатели, как и литераторы других братских республик, прилагают все усилия, чтобы достойно отразить общественную активность советских людей и способствовать дальнейшему раскрытию духовной потенции трудового человека. Не стечение обстоятельств, а деяние человека стало основной движущей силой сюжета большинства эпических произведений современной литературы. Успех сопутствует таким произведениям, которые раскрывают образ нашего современника как бы изнутри, а не как единицу, «оформляющую» заранее задуманную автором идею.

Эти достижения объективно привели к преодолению иллюстративности и схематизма, в какой-то мере характерных литературе предыдущего периода, и легли в основу тех идейно-эстетических тенденций, которые мы наблюдаем в литературе наших дней.

2. Как известно, для каждого из предыдущих этапов развития молодой башкирской советской литературы была характерна ясно выраженная основная тема: противопоставление царской и советской действительности (20-е годы),

коллективизация (30-е годы), любовь и ненависть (период Великой Отечественной войны), борьба за мир (послевоенный период). Определить же главную тему современного этапа вообще не представляется возможным. Это свидетельствует о зрелости башкирской литературы: во-первых, круг проблем, поднятых и решенных ею, становится все более широким; во-вторых, общественная тематика современности раскрывается через индивидуальные человеческие характеры, а не через должностных лиц, сознательно подобранных для «решения темы».

3. Коммунистическая партия Советского Союза считает, что главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности. Укрепление связи башкирской литературы с жизнью народа нашло свое выражение, прежде всего, в усилении исследовательского начала в творчестве многих писателей. В связи с этим был значительно поднят престиж очерка. Появилось немало проблемных и сатирических очерков, способных создать общественное мнение вокруг отдельных актуальных явлений. Писатели и критики стали пропагандировать этот жанр как наиболее действенную форму изучения закономерностей общественной жизни, как первый этап собирания материалов для крупных эпических полотен. Название одной из статей А. Бикчентаева — «Дорога дарит книгу» стало девизом башкирских литераторов. И действительно, наиболее значительные романы последних лет — «Я не сулю тебе рая» А. Бикчентаева, «Майский дождь», «Цветок шиповника» А. Вали — выросли из очерков. Если Акраму Вали не до конца удалось обобщить богатый фактический материал, то А. Бикчентаев сумел создать яркие образы наших современников, показать их сложные взаимоотношения. Изучать жизнь как ученый, обобщать как художник — вот один из творческих принципов башкирских писателей, значение которого стало особенно явственным после XX съезда партии.

4. «Эстетической единицей» литературы, особенно эпических ее жанров, является персонаж, характер и тип. Естественно, что новые черты литературы отражаются, прежде всего, в облике и делах героев произведений. Активная борьба за передовые идейно-эпические принципы — вот что отличает образы наших современников.

Герои поэм М. Карима и Х. Гиляжева, романов А. Вали и А. Бикчентаева, повестей Ф. Исянгулова и Н. Мусина, драм И. Абдуллина и А. Мирзагитова, стихов С. Кудаша, Н. Наджми и Г. Рамазанова, Р. Гарипова и Марата Каримова не робкие наблюдатели происходящих событий, а сильные и самоотверженные характеры. Причиной, дающей импульс основному

конфликту произведения, во многих случаях являются черты характера главного героя или его нравственные принципы. Если в недавнем прошлом причинно-следственную связь большинства сюжетов можно было представить как события — характер, то в современной башкирской литературе немало случаев, когда в идейно-эстетической основе произведения «первичной» является диалектика души.

5. Борьба за нового человека, за активного строителя коммунизма идет по двум линиям: воспевание романтики борьбы, романтики подвига и разоблачение мещанства. Обе эти линии в последние годы претерпели значительные изменения. Если раньше тема подвига связывалась только с военными и революционными событиями, то сейчас она раскрывается более глубоко и философично: благодаря искренним раздумьям о смысле жизни, героическую окраску получают и обыденные картины бытия. В поэме Х. Гиляжева «Сорок шестой солдат» есть строки: «Подвиг велик, но еще величественнее любовь, вдохновляющая на этот подвиг». В повестях и романах З. Бишевой, А. Бикчентаева, Ф. Исянгулова, в поэмах и стихотворениях М. Карима, Н. Наджми, Х. Карима, Г. Рамазанова, Р. Гарипова, Р. Сафина подвергается эстетическому исследованию именно такая любовь. Воспеваются человечность людей, которые по словам М. Карима «повсюду радость сеют, счастье жнут». Философское раскрытие истин, составляющих сущность советского патриотизма — одна из важных черт современной башкирской литературы. Разоблачение обывательщины также стало разносторонним. Если в недавнем прошлом под огонь критики попадали преимущественно бытовые стороны этого явления, то в последнее время в орбиту сатиры все чаще вовлекаются проявления общественной инертности. В стихах Т. Арслана и Марата Каримова, в рассказах и повестях С. Агиша, З. Бишевой, А. Бикчентаева и И. Абдуллина «философии» интеллектуального мещанства противопоставляется воинствующий гуманизм советских людей. Важным достижением современной литературы является также преодоление односторонности сатиры, которая заключалась в выборе объектов изображения преимущественно из жизни зарубежных стран.

Величие социализма в том, что он способствует такому единению личности и общества, какого не знала история человечества. Спаянность советского народа по-своему отразилась и в литературе. В частности, проблема «коллектив и личность», являющаяся одной из магистральных тем советской литературы, решается теперь одновременно и в социальном, и в нравственном плане. Этим и объясняется тот факт, что в башкирской литературе последних лет морально-этическая проблематика выдвинулась чуть ли не на первое место. Причем само понятие «нравственность» сейчас включает мно-

гое из того, что мы называем общественным долгом. В романах «Я не сулю тебе рая» (А. Бикчентаев), «Солдаты без погон» (Х. Гиляжев), в повестях «Странный человек» (З. Бишева), «Алтынбика» (Ф. Исянгулов), «Путь моего аула» (Н. Мусин), в драмах «Седые волосы моей матери» (А. Мирзагитов), «Неспетая песня» (М. Карим), «С сердцем не шутят» (И. Абдуллин), «Приговор матери» (А. Атнабаев) с различной степенью убедительности, но с одинаковой убежденностью раскрывается красота и человечность коммунистических принципов нравственности. Утверждается превосходство духовного богатства над мелочной, повседневной суетой. Большим активом современной литературы является то, что в произведениях на моральные темы элементы дидактизма, свойственные предыдущим периодам, постепенно уступают свое место подлинному психологизму.

7. Стремление к объективному исследованию действительности особенно характерно произведениям башкирских писателей на историческую тему. В романах Х. Давлетшиной и З. Бишевой, Г. Амири и Х. Гиляжева, в поэмах Р. Нигмати и М. Карима, Н. Наджми и М. Гали общественные противоречия прошлого занимают большое место. Однако это отнюдь не означает возврата к вульгарному социологизму, во времена господства которого художественные произведения представляли нехитрую иллюстрацию к историческим событиям. Для современных башкирских писателей путь к социально-историческим истинам лежит через борьбу характеров. Особенно мужественны и убедительны своим суровым реализмом и историзмом романы Х. Давлетшиной «Иргиз», Х. Гиляжева «Солдаты без погон» и поэма М. Карима «Черные воды».

8. Преодоление догматизма, приукрашивания действительности и других проявлений «теории» бесконфликтности открыло широкий простор для творческой инициативы писателей, для осмысления и изображения жизни во всей ее сложности и противоречивости. Именно этим объясняются такие важные тенденции развития современной башкирской литературы, как углубление философичности в лирике и усиление лирического начала в прозе. Стихотворения М. Карима, Р. Гарипова, Н. Наджми, Марата Каримова, миниатюры С. Кудаша и М. Сюдюкле являются подлинными открытиями, отражающими сложные пласты человеческой жизни. Философичность этих произведений — двуединый результат раздумий о действительности и глубокой образности. Лиричность многих романов и повестей — явление не только эстетического, но и идейного порядка, ибо в субъективных размышлениях автора выражается его активное отношение к тем или иным актуальным проблемам современности.

9. Башкирская литература последних лет отличается большим разнообразием художественных исканий и решений,

открытием целого ряда новых возможностей литературных жанров.

В творчестве ведущих поэтов становится обычным психологический параллелизм, так удачно сочетающий в себе незамысловатые картины природы и сложные нюансы душевного состояния человека. Естественным результатом стремления к углублению поэтической образности явилось усиление метафоричности стихотворений и поэм. Поэма стала более синкретичной: наряду с лирикой и эпосом, идущими от самой природы жанра, неотъемлемой ее чертой становится и драматичность, способствующая компактности произведения. Баллада трансформируется как бы в романтическую поэму. Новелла, знаменитая прежде как жанр ситуации, в наши дни наполняется психологическим содержанием.

10. Наряду с неоспоримыми высотами, в современной башкирской литературе имеются и серьезные недостатки.

Неправильно было бы рассматривать иллюстративность, эту давнюю болезнь нашей литературы, только как проявление «теории» бесконфликтности. Немаловажным фактором здесь является литературное мастерство. Недостаточность его не может не сказываться на художественной убедительности произведения, о чем свидетельствуют отдельные повести и поэмы последних лет. Нередко появляются произведения, в которых красота подлинной истины подменяется предвзятой схемой писателя. Отсутствие диалектического подхода к общественным явлениям приводит некоторых авторов к описательности и декларативности.

Отстает от общего уровня литературы башкирская драматургия. На фоне расцвета лирики весьма скромны успехи эпической поэзии, возможности которой, думается, реализованы далеко не достаточно.

Г. Б. Хусаинов

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-х ГОДОВ

Башкирская советская литература 20-годов, составляющая первый этап развития в ней социалистического реализма, характеризуется сложным процессом возникновения и складывания новых идейно-эстетических принципов, стилевых направлений и творческих индивидуальностей. Стилевые поиски особенно первого послеоктябрьского десятилетия, переплетаясь с идеологической и идейно-творческой борьбой за новое искусство, нередко принимали усложненные формы и порождали различные стилевые тенденции в художественной практике.

Для башкирской литературы первых лет революции и начала 20-х годов характерно смешение самых различных стилей. Если новая поэзия М. Гафури, стиль которого сложился в дореволюционный период, несла реалистические тенденции, то в стихах Д. Юлтыя, Ш. Фидая и других с самого начала преобладала романтическая струя. Восторженное восприятие социалистической революции наложило свою лирико-эмоциональную окраску на первые стихотворения-отклики многих башкирских писателей; пафос утверждения нового и отрицания старого часто выражался в героико-романтических образах и формах (М. Гафури «Революция», Д. Юлтый «Октябрь», Ш. Фидая «Ветер Октября» и т. п.). В таких произведениях о революции, написанных большей частью в стиле несколько абстрактных гимнов-мадхия или же поэтических призывов, несмотря на отдельные реалистическо-публицистические приемы, превалировал романтический стиль, берущий свое начало в дореволюционном прогрессивном романтизме.

Героика и драматизм событий в годы гражданской войны еще более усилили героико-романтический пафос башкирской литературы. Поэзия, воспевающая боевой патриотический дух и героизм революционного народа, получила принципиально новую идейную направленность, политическую

целестремленность, которая повлекла за собой и новые формы поэтического выражения и стилевых тенденций. Так, прием поэтического обращения с присущими ему изобразительными средствами и публицистические интонации стихотворений «Татарскому джигиту» и «Клятва» М. Гафури, «Встань, батыр, на стремя!» Д. Юлтыя, идущие от традиций башкирского кубаира-обращения, обогащенные новыми формами строфического и стилистического построения, зазвучали в те годы по-современному.

Лирический герой, предстающий в образе советского джигита-воина или революционера-коммуниста, тесно связанный с народным образом батыра, новые изобразительные и стилиевые приемы его отображения, своими корнями восходящие также к народному творчеству, представляли новаторское явление в башкирской советской литературе периода ее зарождения.

В годы гражданской войны, как и во всей советской литературе, в башкирской поэзии большое распространение получили ее наиболее массовые формы: стихи-агитки, декламации, стихотворные лозунги и поэтические обращения — хитапнаме.

Наряду с публицистическими формами в поэзии этого периода большое развитие получили и песенные формы. Песенная стихия, тесно связанная с богатой классической поэтической традицией народа, придала башкирской советской поэзии новые окраски эмоционального воздействия, обогатила ее средствами изобразительности и приемами песенной стилистики. В этом направлении развивалась поэзия С. Кудаша. Стиль молодого поэта Г. Гумера, творческая деятельность которого началась на страницах фронтовых газет, складывался под непосредственным влиянием народной поэтики.

В политической лирике первых лет революции, характеризующейся, с одной стороны, агитационно-публицистическими формами риторики, связанной с традициями русской и советской поэзии, с другой, сочетанием песен революции («Интернационал», «Марсельеза» и др.) с традициями башкирского устнопоэтического творчества, особенно с песенным репертуаром, четко наметились реалистические стилиевые особенности башкирской советской поэзии. Башкирская сатирическая поэзия как форма утверждения нового путем отрицания старого также развивалась в реалистическом направлении.

В период гражданской войны, несмотря на наличие реалистических тенденций, в поэзии преобладали романтические формы. Героико-романтический характер эпохи наложил свой отпечаток и на творчество М. Гафури, Д. Юлтыя и др. На первый план выдвинулись лирические жанры, символические образы, условно-риторический стиль.

Башкирская романтическая поэзия этих лет, односторонне и абстрактно отражавшая новую действительность, в основном

верно выражала энтузиазм и пафос революционной героини, несла определенные новаторские элементы зарождающегося нового творческого метода и стиля.

Такого же типа романтическая форма отображения новой действительности наблюдается и в произведениях башкирской прозы периода гражданской войны. Стремление увидеть героическое в жизни, интерес к драматическим событиям, приподнятость, патетичность выразительных средств, передающих революционный энтузиазм народа-борца, — характерные черты романтического стиля прозы А. Тангатарова.

Однако в сравнении с поэзией реалистические стилиевые тенденции в башкирской советской прозе с самого начала преобладали над романтическими. Так, прозаические произведения М. Гафури, ранее создававшиеся на лучших принципах и традициях критического реализма, в новых исторических условиях продолжали развивать и обогащать этот метод. Рассказы и очерки Д. Юлтыя, А. Тагирова, Ш. Худайбердина и других, написанные в годы гражданской войны, подтверждали формирование новых идейно-эстетических принципов в национальной литературе.

Обращение башкирских поэтов в начале 20-х годов к теме мирного строительства, поэтизация конкретных трудовых процессов, особенности форм коллективного труда, тяготение к конкретности усилили реалистические черты поэзии, а ее агитационно-мобилизующая направленность способствовала развитию публицистичности стиля. Уже к середине 20-х годов в башкирской поэзии четко выделяется реалистическое стилиевое течение во главе с М. Гафури, характеризующее традиционной национальной поэтикой, силлабическими ритмами и размерами, песенной стихией. В этом же русле формировался поэтический стиль Сайфи Кудаша и Гарифа Гумера. О художественном методе и стилиевом направлении С. Кудаша критика писала в 1925 г.: «Нет там разных «изм»ов, есть только реализм»¹.

Стилиевое развитие прозы первой половины 20-х годов также идет в направлении углубления и упрочения реалистических черт. Однако формирование нового реалистического стиля не проходило, конечно, гладко и быстро. До середины 20-х годов художественное освоение башкирскими писателями новой действительности, стремление к конкретности, углубление реалистических тенденций проходило в интенсивных творческих поисках и идеологической борьбе, отражая противоречивость и сложность историко-литературного процесса. В тех же случаях, когда писатели, стремясь к конкретизации, неумело выбирали факты и не достигали художественного обобщения, всплывали элементы натурализма. В книге М. Гафури «В когтях голода» (1923), рисующей ужасы голодного 1921 г., в некоторых рассказах и стихотворениях Д. Юлтыя, в

поэме «Исмагил» (1922) Б. Мирзанова такой натурализм дошел до грубого физиологизма.

Особенно серьезным препятствием на пути формирования реалистического стиля башкирской поэзии стоял условно-риторический стиль абстрактной романтики. В романтических произведениях начала 20-х годов наметился отход от реальной жизни, невнимание к конкретному человеку, поэтому возникла опасность отделения романтического пафоса от действительности.

Абстрактное изображение революционной действительности в символических образах, чрезмерная романтизация и обезличивание пафоса, резко проявившиеся в сборниках стихотворений Д. Юлтыя «Мелодии Урала» (1921), Б. Мирзанова «Красные цветы» (1921), свидетельствовали о значительной ограниченности революционного романтизма в башкирской литературе.

В поэме С. Кудаша «Октябрь» (1920), несерах Б. Ишемгула «Красные цветы» (1921) и «Мелодия милосердия» (1922) тема революции, борьбы двух миров облекалась даже в религиозно-мифические образы. Под влиянием планетарно-космической поэзии Пролеткульта и «Кузницы», а также татарской гисьянистической поэзии, романтика в произведениях некоторых молодых поэтов приняла явно космический характер.

Д. Юлтый в стихотворении «К небесным поэтам» (1922) подверг суровой критике индивидуально-бунтарскую космическую поэзию. Его призыв к созданию конкретных, жизненно-реальных образов в противовес космическим и религиозно-мифическим образам луны, солнца, ангела, пророка, в противовес освященному образу Работы с большой буквы и чрезмерно общему образу рабочего, явился важной поэтической установкой в развитии литературы того времени. В стихотворении «Небесные песни» (1923) М. Гафури, наряду с критикой абстрактной поэзии, показал также значение и характер реалистического творчества, преимущества реалистического стиля.

Уже в середине 20-х годов у поэтов, увлекающихся космизмом, наметился переход от абстрактности к конкретности, от односторонней романтики к реализму. В этой творческой борьбе реалистическая поэзия более четко выявила свои идейно-эстетические принципы, особенности стиля. И романтическая поэзия, отходя от условно-риторического стиля, постепенно приобретала жизнеутверждающие четкие стилевые оттенки. Общий круг тематики, особенности видения мира, общая эмоциональная настройка, романтическая приподнятость во многом предопределили близость стилевых приемов Д. Юлтыя, Б. Ишемгула, Г. Хайри и др. В их творчестве утверждалось другое стилевое течение поэзии — романтическое, эмоционально насыщенное, овеянное героикой революционной действительности. Яркая живописная деталь, метафоричность, символика,

тональность стиха — вот некоторые характерные стилевые приемы, в разной мере используемые этими поэтами.

В развитии романтического и реалистического течений поэзии второй половины 20-х годов наметились и общие черты, приведшие к более тесным взаимосвязям и взаимодействиям: в романтическом стиле ярче обозначались реалистические оттенки, а реалистический стиль, в свою очередь, приобрел романтическую окрашенность. Одновременно проявлялась также тенденция к цельности, синтетичности стиля в едином русле социалистического реализма.

Выявление стилевых течений и формирование принципов социалистического реализма протекало не только в плане внутритворческих исканий, но и в процессе идеологической борьбы против всякого рода формалистических явлений, буржуазно-националистических взглядов и некоторых тенденций реакционного романтизма, проникавших в башкирскую литературу.

В 20-е годы в башкирской советской литературе не было каких-либо оформленных литературных групп. Однако борьба различных группировок в русской литературе, а также попытки создать имажинистские и футуристические группировки в татарской литературе не прошли бесследно: футуристические стилевые влияния отразились, например, в отдельных стихотворениях С. Агиша и Г. Хайри.

В определении принципов в новой литературе, вопросов традиций и новаторства в период формалистических заблуждений большое теоретическое и практическое значение имела статья Д. Юлтыя «О гегемонии новых литературных течений». «Литература этой эпохи, ее новые течения проникнуты духом коммунизма и тем самым основаны на реализме, — писал он. — Необходимы такие четкие, понятные, лаконичные стили — этого требует наша современная действительность. Поэтому мы должны смотреть на литературные течения сквозь призму пролетарской идеологии, должны уметь выбрать среди них такие, которые близки к действительности»².

Во второй половине 20-х годов в прозе намечаются три стилевых ответвления. Первое — традиционно-реалистический стиль с присущими ему особенностями: описательностью, детализацией, ясностью и простотой изобразительных средств, несложностью сюжета и компактностью композиции. Ярким представителем этого стиля является Мажит Гафури, который известными повестями «Черноликие» (1926) и «Ступени жизни» (1928) внес большой вклад в стилевое многообразие башкирской прозы социалистического реализма.

Второе ответвление, вернее стилевое течение, представляет романтический стиль, характеризующийся романтической приподнятостью пафоса, символичностью или аллегоричностью образов, публицистичностью и метафоричностью слога, неред-

ко с чередованием прозаических и стихотворных форм. В формировании этого стиля большую роль сыграли несеры и повести Имая Насыри. Отраженные в повестях Насыри «В вагоне» и «Наступление» (1927) полуприключенческие события, острота и стремительность действий, служащие одним из способов передачи напряженности изображаемой эпохи, ее героики и, возвышенности, сложные сюжетные конструкции были особенностями романтического стиля, свойственными творческой манере этого писателя. Этот стиль с определенным индивидуальным уклоном нашел отражение также в несерах Б. Ишемгула, Т. Янаби, А. Карная и др.

Третье стилевое ответвление можно заметить особенно в творчестве Афзала Тагирова. Выдвижение на первый план больших социально-исторических событий и социальных типов, драматизация конфликтов и нередко строгая хроникальная канва сюжета, документальность материала и активное авторское отношение к описываемым событиям во многом определяют художественно-публицистический стиль произведений А. Тагирова. Таковы его повести «На разливах бурной реки» (1923—1926), «Первые дни» (1927), «Фабрика зерна» (1928) и др.

Творчество же Губея Давлетшина, с определенным уклоном этнографизма, сочностью языка, народной основой стилистики и фразеологии, представляет особую стилевую струю в башкирской прозе 20-х годов.

Роман Г. Хайри «Поворот» (1928), охватывающий большие социально-исторические события XX столетия, связанные со вступлением башкирского народа на широкий путь социализма, явился этапным произведением национальной прозы 20-х годов, как бы вобравшим в себя лучшие черты и стилевые тенденции художественного эпоса.

Развитие башкирской драматургии 20-х годов, имея много общего с развитием прозы, характеризуется поворотом от историко-бытовой тематики к современной, от романтических и натуралистических произведений к реалистическим, от абстрактных и схематических персонажей к реальным и живым образам, от условно-фольклорного стиля к реалистическому.

В башкирской драматургии этого периода можно выделить три стилевых течения. Условно обозначим их так: фольклорно-этнографический (пьесы «Ашкадар», «Ялан Яркей», «Шаура», «Башкирская свадьба» М. Бурангулова, «Иньекай и Юлдыкай» Х. Габидова, «Зульхабира» Х. Ибрагимова); героико-романтический (пьесы «Карагул», «Салават» Д. Юлтыя); публицистико-реалистический (пьесы «Алатау», «17—30» А. Тагирова; «Красная звезда» М. Гафури, «На мельнице» Д. Юлтыя и агитпьесы).

В конце 20-х годов, в период формирования и определения основных творческих принципов башкирской советской лите-

ратуры, снова разгорелись дискуссии и идейно-эстетическая борьба вокруг проблемы метода и стиля, традиции и новаторства. Здесь скрещивались различные мнения, начиная, с одной стороны, с защитников нового художественного метода — социалистического реализма, кончая, с другой, приверженцами только фольклоризма или же натурализма, «литературы факта», отрицателями романтизма, романтического направления.

Д. Юлтый в докладе на первой городской конференции пролетарских писателей Башкирии в 1929 г. говорил: «Реализм в литературе не фотографическая достоверность в изображении окружающего мира, проявляющаяся во множестве деталей, а исторически верное отображение эпохи, правильное освещение тенденций жизни»³.

Это было фактически определением основных принципов социалистического реализма, на основе которого формировалась башкирская советская литература, характеризующаяся в конце 20-х годов многообразием стилей, жанров и форм.

¹ Газ. «Яны ауыл», 27 марта 1926 г.

² Ж. «Белем» («Знание»), 1925, № 6, стр. 27.

³ Д. Юлтый. Современная башкирская художественная литература и ее творческие пути. Уфа, 1929, стр. 12 (на башк. яз.).

А. И. Харисов

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. До начала XX в. башкирская литература бытовала преимущественно в рукописной форме. Сбор и публикацию произведений отдельных писателей одним из первых осуществил в своей известной книге «Асар» («Сочинения») Риза Фахретдинов — видный ученый-тюрколог, писатель и бессменный редактор самого влиятельного на Востоке России журнала «Шуро», издававшегося в Оренбурге (1908—1918 гг.). Научное и литературно-журналистическое творчество этого весьма противоречивого деятеля тюркоязычного Урало-Поволжья еще не изучено. Даже отсутствует полная библиография его книг и статей. Во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина книжное наследие Р. Фахретдинова представлено 40 названиями. Некоторые его труды состоят из отдельных томов или книг. Так, «Асар» издавался в Оренбурге (в 1904—1908 гг.) в двух томах, состоящих из 15 книг. Особенно примечательно то, что 16 книг из 40 переиздавались в свое время от 1 до 10 раз.

В Уфимском институте истории, языка и литературы АН СССР хранится поступивший в 1963 г. из Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири десяти томный рукописный архив Р. Фахретдинова, который представляет известный научный интерес для изучающих историю культуры башкирского и татарского народов.

2. Исключительную ценность для науки представляет вторая, заключительная по хронологии, часть рукописного архива Р. Фахретдинова, недавно выявленного в Духовном управлении мусульман и частично переданного Уфимскому ИИЯЛ АН СССР. Чрезвычайно важные источники найдут здесь исследователи истории культуры и общественной мысли в Башкирии, Татарии и отчасти Казахстане. Первым ознакомился с этой уникальной коллекцией аспирант Казанского университета Миркасим Усманов.

3. Коллекцию составляют 30 объемистых томов рукописного материала, в том числе: а) тексты рукописи 3 и 4 томов «Асара», подготовленных автором к печати, но оставшихся неизданными; б) сборник источников (подлинники писем, сообщений и т. п. различных авторов), использованных при составлении «Асара», в том числе наиболее важные: подлинник письма М. Акмуллы, написанного из Троицкой тюрьмы своему другу-земляку (родом из дер. Лемезтамак) Хафизу — учителю медресе в г. Троицке с приложением текста двух стихотворений. (Автограф Акмуллы до сих пор не был известен); 11 писем Гали Чокрия к петербургскому войсковому мулле Хамидулле Халидову, написанных в 1873—1889 гг.; в) сборник неопубликованных поэтических произведений Шамсетдина Заки и стихов ранее неизвестного поэта XIX в. Менди Кутуша-Кипчаки. (Сборник составлен З. Мухаммат-Рахими); г) рукописи многочисленных работ Р. Фахретдинова, как опубликованных, так и неопубликованных по истории ислама, по истории культуры, общественной и художественной мысли Востока, этике, морали, педагогике и т. д. В их числе капитальный труд ученого под условным названием «Йыуаныч», состоящий из 54 бесед (объемом 1160 стр.) на тему человек и общество, а также тексты литературных произведений автора (повести «Салима», «Асма» и др.); д) два сборника текстов рукописей статей, сообщений (главным образом Р. Фахретдинова), воспоминаний, писем, стихотворений и т. п., отражающих жизнь и деятельность широкоизвестного татарского ученого Шигабетдина Марджани; е) текст перевода с арабского на татарский книги «Биография Ибн Фадлана и его путевые записи» (перевод сделан Р. Фахретдиновым); ж) рукопись книги очерков Р. Фахретдинова «Аккуруны».

4. В 3 томе «Асара» (объем 397 л.), как в предыдущих томах этого сочинения, представлено краткое жизнеописание главным образом духовных лиц (всего описано 307 чел., умерших за период с 1874 по 1930 г.), определенная часть которых так или иначе служила народному просвещению, культуре, литературе. Много интересного для изучения истории общественной мысли среди татар и башкир во второй половине XIX в. дают, например, приведенные в томе 10 писем Марджани к отдельным деятелям культуры и религии, а также высказывания современников (26 чел.) о Марджани в изложении Р. Фахретдинова. Определенный интерес для истории татарской литературы содержат биографические сведения о поэте Закире Рамиеве (Дардменд) с приложением одного из его последних стихотворений — «Альвидаг!» («До свидания!»).

Риза Фахретдинов отлично понимал и сознавал, что в его четырехтомном сочинении «Асар» явно преобладают обычные, мало чем примечательные служители ислама, а настоящих деятелей науки и литературы действительность дала для его

книги не так уж много. Оценивая это, он писал в предисловии к 3 тому «Асара»:

«Если бы были среди наших деятелей прошлого Газали и Ибн Рушд, Бухари и Ибн Ханбаль, Ибн Теймия и Араби, Гёте и Толстой, разве мы стали бы скупиться в подаче их жизнеописания?.. Мы бы, конечно, постарались по силе возможности выполнить свою задачу, несмотря на то, сумели бы или нет раскрыть роль и значение этих личностей.

Равно тому, как некоторые из тех людей, кто владел карандашом, служили созданию нашей литературы, «Асар», думается, составит кусочек нашей истории и послужит в ней источником до тех пор, пока не издадутся хорошие книги. С появлением совершенных произведений не будет нужды в несовершенных сочинениях так же, как нет надобности в свете лампы после наступления зари».

Необычайной оказалась судьба 3 тома «Асара». Подготовку его к печати Фахретдинов завершил 10 февраля 1911 г., а ночью 12 февраля полиция произвела обыск на его квартире и конфисковала часть рукописного материала, в том числе и текст 3 тома. Конфискованные работы Фахретдинова были отправлены в Оренбургское жандармское управление, а оттуда — в Сарапульское. В дальнейшем они поступили в Казанскую судебную палату. Только через год, 17 февраля 1912 г., Фахретдинов добился возвращения рукописи 3 тома «Асара», а «многие мои книги, статьи, исторические сведения не были возвращены», — сообщает он в дополнении к предисловию 3 тома.

Деньги, полученные мною в долг для издания 3 тома «Асара», пишет Фахретдинов, пришлось вернуть, а других средств я не имел, в результате «Асар» остался неизданным. Тем не менее Фахретдинов продолжал работать над книгой, дополняя ее новыми материалами.

5. 4 дополнительный том «Асара», составленный уже в советское время, в последние годы жизни Р. Фахретдинова, включает материалы, не вошедшие в предыдущие три тома. Небольшой по объему, в четыре раза меньше третьего, он содержит наиболее ценные памятники, которые обогащают башкирскую дореволюционную литературу и проливают свет на биографии отдельных писателей, например, Акмуллы, оставшиеся недостаточно ясными.

В 4 томе «Асара» представлены: а) биография Мифтахетдина Акмуллы — самого крупного и популярного в народе поэта до Гафури. Р. Фахретдинов сообщает здесь сведения о годе рождения поэта (1248/1832), о его родителях, детстве, учебе и, начиная с 25-лет, постоянных скитаниях его в казахских степях; б) текст указанного выше письма Акмуллы, написанного из тюрьмы, в котором осуждаются богачи за их бессердечность к бедным, и приложенные к этому письму два

стихотворения поэта: одно (80 строк) — о положении богатых и бедных в обществе, другое (18 строк) — о горькой участи бедного поэта, безвинно заточенного в тюрьму; в) текст письма татарского литератора Хасана Гали Р. Фахретдинову (1912 г.), в котором приведены отрывки из превосходных стихотворений Акмуллы (68 строк) на социальные темы и его поэтические афоризмы.

г) Материалы об Акмулле завершаются воспоминанием Р. Фахретдинова «Акмулла в Уфе» (в сентябре 1894 г.). В содержательном и ярком воспоминании писателя и ученого встает образ Акмуллы, простого и бедного, далекого от городской цивилизации, но умного, интеллектуально развитого поэта, стоящего намного выше самого муфтия. Р. Фахретдинов описывает, как по его инициативе муфтий Султанов устроил ужин в честь Акмуллы.

«— В город прибыл наш шаир (*шагир*) Акмулла, — сообщил я муфтию. — Он сам не просится к Вам. Но я бы хотел, чтобы Вы приняли его и говорили с ним.

— А кто такой шаир?

— Поэт что ли, точно не знаю. У русских Пушкин, а у нас Уметбаев — шаиры. Поскольку я не владею русским языком, не могу положить на весы Акмуллу и Пушкина и взвешивать их. А Уметбаева с Акмуллой взвешивать можно».

Шаиры, встретившиеся впервые, полностью раскрылись: живая беседа за чаем незаметно превратилась в поэтическое состязание Акмуллы и Уметбаева. «Я не помню другой такой встречи, на которой муфтий сидел бы, наслаждаясь так, и чувствовал бы себя довольным так, как это было тогда. И я сам больше не видел подобной веселой встречи», — заключает Р. Фахретдинов.

Конечно, Р. Фахретдинов вспоминает и описывает не только эмоциональный эффект от этой встречи, он сообщает и очень важные сведения о личности Акмуллы, о его родном языке, «толстом» сборнике стихов. Выясняется, что один из родителей поэта (отец или мать — определено не сказано) был «казанским человеком», а другой — из башкир. «Хотя он сам, — пишет Р. Фахретдинов, сообщая другие, не менее важные сведения, — скитаясь среди казахов, во многом превратился в казаха, но речь его не очень уж поддалась под казахскую (*сүзүндә артык казаклашмый*), говорит так, что его не отличить от бурзянских и усерганских башкир».

Акмулла с благодарностью принял предложение Р. Фахретдинова о его готовности добиться издания «толстого» сборника, который поэт возил всегда с собой. Но этому не было суждено осуществиться: Акмулла вскоре был убит в дороге, его поэтический сборник, хотя и попал в руки брата из Туксанбаева (ныне Миякинский район БАССР), но сгорел при пожаре в дер. Тамьян, куда он был передан для хранения.

Как в биографическом сообщении об Акмулле, так и в воспоминании о нем Р. Фахретдинов подчеркнуто говорит, что в поэтическом совершенствовании Акмуллы большую роль сыграла казахская среда, так сильно овеванная акынским искусством и богатыми народноэпическими традициями.

6. Открытием для дореволюционной литературы является сохранившийся в архиве Р. Фахретдинова сборник неизвестных стихов Шамсетдина Заки с приложением творчества другого совершенно неизвестного до сего времени поэта Менди Кутуша-Кипчаки. Ш. Заки, самый яркий суфийский поэт Башкирии и всего Урало-Поволжья XIX в., был известен литературе только пятью стихотворениями (96 строк), впервые опубликованными в 13-ой книге «Асар» Р. Фахретдинова (Оренбург, 1907). Сейчас поэт предстает перед нами несравненно полнее и многостороннее, даже, можно сказать, открывается он заново: в сборнике представлено около 40 его новых, неизвестных истории литературы стихов общим объемом свыше 1300 строк. Наследие Ш. Заки подлежит специальному исследованию. Предварительное ознакомление с ним позволяет пока сделать вывод о том, что, оставаясь поэтом-мистиком, он тем не менее верил в силу человеческого разума, что его природный талант не всегда «слушался» суфийских идей и вступал с ними в противоречие.

Стихотворения Ш. Заки годами собирались его односельчанином Зиннатуллой Мухаммат-Рахими и подготовлены к печати отдельным сборником в декабре 1915 г. В начале сборника дана биография Ш. Заки, в которой содержится много новых сведений о жизни поэта.

7. В виде приложения к поэтическому сборнику Ш. Заки дано стихотворное творчество ранее неизвестного литературе башкирского поэта Менди Кутуша-Кипчаки (в записи того же З. Мухаммат-Рахими), а также его биография, из которой становится известным следующее.

Менди бине Кутуш-Кипчаки бине Туктагул бине Туксаба бине Туиш бине Таганаш-тархан родился в башкирской (кипчакской) дер. Тукан Оренбургской губернии, умер 9 апреля 1849 г. в возрасте 88 лет в дер. II Кинья-Абызово. Менди учился в Казани, был состоятельным башкиром: имел одних только коней 100 голов. Он был каллиграфом. Несколько книг из арабской и персидской литературы, переписанных Менди, вошли в современный ему рукописный репертуар.

Менди Кутуш-Кипчаки и сам писал стихи. З. Мухаммат-Рахими сообщает, что у Менди был сборник собственных стихов под названием «Вакты сахар» («На рассвете») объемом около 200 стр. Подтверждая, что у Менди много было стихотворений, Р. Фахретдинов в то же время допускает, что некоторые из них могли быть напечатанными («Асар», т. 4, стр. 4). Из книги «Вакты сахар», не дошедшей до нас, включено

в составленный З. Мухаммат-Рахими сборник 580 строк. В идейно-тематическом отношении творчество Менди Кутуша-Кипчаки представляет назидание мусульманам — призыв к тому, чтобы встретить рождение нового дня достойно: честным в труде, верным перед богом, благожелательным к людям. Хотя поэт смотрит на мир через призму суфизма, в его поэзии немало поучительного, поэтически самобытного, идущего от житейской практики и народной мудрости.

Материалы рукописного архива Р. Фахретдинова заметно обогащают как само башкирское дореволюционное литературное наследие, так и наше представление о нем.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БАШКИРСКОГО УСТНОПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

1. При сосуществовании устного народного творчества и художественной литературы возникает проблема их взаимодействия, т. е. воздействия фольклора на литературу и литературы на фольклор. Круг вопросов взаимодействия башкирской литературы и фольклора обширен и разнообразен. Многообразны также формы и принципы освоения народнопоэтических традиций, которые зависят, прежде всего, от индивидуальных особенностей писателя, его знания жизни и духовной культуры народа, эстетического вкуса, таланта и творческих позиций, от уровня развития самой литературы. Поэтому характер взаимоотношений литературы и фольклора на разных этапах развития литературы был неодинаковым. Цель настоящего доклада — наметить лишь существенные тенденции взаимоотношений башкирской литературы и фольклора, наиболее характерные для отдельных периодов.

2. Отдельные мотивы и образы народного творчества мы встречаем еще в литературе дореволюционного периода — в творчестве Акмуллы, М. Гафури, Д. Юлтыя, Ш. Бабича, С. Кудаша, Ф. Туйкина и др. При всем различии их творческих индивидуальностей и многообразии форм использования ими фольклора в дореволюционной башкирской литературе четко выделяются традиции байта.

По своим художественным особенностям байт — наиболее близкий к литературе жанр башкирского народного творчества. Байты появились под влиянием книжной поэзии. Как и литература, они бытуют в письменной форме, имея ряд поэтических особенностей, характерных восточной поэзии. Поэтому в период зарождения художественной литературы этот своеобразный жанр выступает как бы поэтическим мостом, соединяющим литературу и фольклор. Многие стихи зачинателей башкирской литературы (М. Гафури, Д. Юлтыя, С. Кудаша) по

своей поэтике были близки именно к байтам. Некоторые из этих стихов и поныне бытуют в народе как байты.

На основе устнопоэтического творчества создавались и первые басни в башкирской литературе. Так, басни М. Гафури, некоторые сюжеты которых заимствованы непосредственно из родного фольклора, по своим персонажам схожи со сказками о животных, по морали — пословицам и поговоркам.

3. Исследователями башкирской литературы отмечено большое влияние фольклора на зарождение письменной эпической поэзии. Так, первые поэмы представляли собой простые стихотворные переложения сказочных сюжетов. По мере реалистического освоения действительности поэты постепенно отказывались от сказочных сюжетов и сказочной поэтики.

Если эпическое начало башкирской поэзии связано с эпическими жанрами фольклора, то истоки ее лиризма лежат в народных песнях.

Освоение народнопесенных традиций шло несколькими путями. Противопоставляя старой песне новую, советскую, в 20-е годы на мотивы старинных песен писались многочисленные песни-стихи на современные темы — о новом быте, кооперации, школьной жизни, комсомоле и т. д. (Б. Ишемгулов, С. Сюнчелей). Художественный уровень этих песен-стихов был самым различным. Многие из них по своему содержанию просто не соответствовали характеру мелодий, на мотивы которых они писались. Так, в первые годы в литературе наблюдается несоответствие между содержанием и формой. Но в то же время стилизованные под фольклор эти песни-стихи сыграли большую роль в борьбе за новую жизнь, в утверждении современной тематики и были необходимым этапом в освоении литературой лиризма народных песен. С другой стороны, тем самым утверждалось право фольклора на активное участие в строительстве новой жизни.

Народнопесенное творчество оказывало большое влияние и на развитие лирики в башкирской поэзии 20—30-х годов. Многочисленные примеры обозначения стихов песнями говорят о стремлении поэтов определить лирический характер своих стихов и подчеркнуть их связь с народной песней. Таковы сборники стихов Б. Ишемгулова «Пионерские песни» (1925), «Комсомольские песни» (1927), Г. Амантая «Новые песни» (1929), А. Вали «Лирические песни» (1935), альманах молодых авторов «Район поет» (1935). К песенным образам, приемам и ритмике обращались С. Кудаш, Б. Валид, Х. Ибрагимов, многие песни которых еще в 20-е годы стали народными. Народнопесенные традиции и поэтика жанра сыграли большую роль в усилении лиризма и башкирских поэм, в раскрытии внутреннего мира их героев (С. Кудаш, Г. Саям, Р. Нигмати).

4. Зарождение и развитие башкирской драматургии также неразрывно связано с фольклором. Однако первые пьесы 20-х годов, написанные по фольклорным мотивам, оказались неудачными. Большинство из них по существу представляли собой сценические сюжеты легенд старинных народных песен. Чрезмерное увлечение этнографизмом, песнями, плясками придали сценическим произведениям, особенно пьесам М. Бурангулова, форму комментированных концертных программ. Так внешняя, формальная фольклорность оказалась противоположной народности литературы.

Умелое творческое использование фольклора в драматургии подтверждают пьесы конца 20-х (Д. Юлтый) и 30—40-х годов (Б. Бикбай, К. Даян). В устнопоэтическом творчестве писателей привлекают его реалистическая основа, социальное содержание, отдельные мотивы и образы, созвучные их творческим исканиям и идейной позиции. В их пьесах народное творчество служит достоверным материалом в воспроизведении быта и создании образов конкретно-исторических личностей. Для усиления психологического анализа героев широко используется афористическое творчество.

5. О жизненной обусловленности использования литературой народнопоэтических традиций свидетельствует башкирская литература периода Великой Отечественной войны. В это тяжелое для страны время писатели обратились к патриотическим мотивам и героическим образам устнопоэтического творчества. Многие стихи военных лет непосредственно перекликаются с историческими песнями об Отечественной войне 1812 года. Усилились патриотические мотивы, возвышенная, героическая тематика, уходящие своими корнями в историко-песенные традиции. Центральное место в поэзии занимают традиционные образы, тесно связанные с военными походами предков в защиту родной земли и героическими подвигами батыров эпоса, ожили легендарные образы Салавата Юлаева и Кахым-тюри. Героико-патриотическим характером литературы периода Великой Отечественной войны обьясняется и оживление кубаирских традиций, которые наиболее удачно были продолжены. Р. Нигмати. Широко распространялись также лучшие образцы традиционного башкирского фольклора, модернизировались некоторые наиболее популярные исторические песни о защите Родины и военных походах.

6. Послевоенный период характерен использованием в литературе различных форм народнопоэтических традиций. С одной стороны, имели место многочисленные (удачные и неудачные) примеры обработок фольклора и прямой стилизации в виде стихотворных переложений легенд песен в драмы (Г. Амири). С другой стороны, заметно усилился процесс внутреннего проникновения фольклора в творчество многих писателей. Воздействие на литературу не ограничивается

использованием отдельных сюжетов, мотивов и образов фольклора, ибо он входит в литературный процесс своим народным духом и эстетикой. Ярким примером вдумчивого, творческого использования народнопоэтических традиций является творчество Мустая Карима, которому характерны философская глубина народной поэзии, ее дух и речевая культура.

Под непосредственным влиянием фольклора за последние годы в башкирской литературе утвердился своеобразный жанр — *хикэйт* — сказ (С. Кулибай, А. Вахитов, З. Бишева и др.). Внешне *хикэйт* близок к легендам. Однако это не просто рассказ-повествование о каком-либо событии прошлого, а его поэтическое эхо, отзвук, по-своему понятый автором и доведенный до читателя. Независимо от содержания, *хикэйт* характерны героико-патриотический пафос, высокие общечеловеческие идеалы, философская трактовка явлений и образов. Эпическое здесь сочетается с лирическим.

7. На современном этапе развития башкирской советской литературы наблюдается обратное явление — влияние литературы на фольклор.

Такое влияние как процесс возникает на более позднем этапе развития литературы, когда она начинает играть большую, чем фольклор, роль в духовной жизни народа и тесно связано с уровнем культурно-просветительной работы вообще (печать, радио, кино, телевидение). Проблему воздействия литературы на фольклор можно рассматривать в двух аспектах. Этот процесс, прежде всего, сказывается в изменении жанрового состава фольклора и форм бытования отдельных его жанров. Так, в фольклоре последних лет преобладают поэтические жанры, происходит процесс трансформации некоторых традиционных жанров. Под влиянием литературы фольклор приобретает новые признаки и качества, близкие к художественной литературе, изменяется его репертуар. С повышением культурного уровня населения изменяется и само отношение народных масс к фольклору. В последние годы широкое распространение получила так называемая «альбомная поэзия» — стихотворчество безымянных авторов на различные темы.

С другой стороны, усиливается процесс перехода литературных произведений, особенно песен, в фольклорные. Записи таких материалов свидетельствуют, что большинство из них не подвергались какой-либо серьезной переделке и бытуют, как правило, в авторском варианте. Это объясняется письменной формой их распространения. Имеются случаи фольклоризации песен отдельных поэтов в баиты.

В связи с этим представляет большой интерес творчество сэсэнов, произведения которых имеют ряд признаков, характерных как литературе, так и фольклору, и стоят на грани между ними.

8. Взаимодействие башкирского устнопоэтического творчества и литературы носит объективный характер. В зарождении и становлении башкирской литературы большую роль сыграл традиционный фольклор. В начальный период освоение народнопоэтических традиций в основном шло по пути прямолинейных подражаний и явных заимствований. По мере развития литературы характер фольклорно-литературных взаимодействий становился более глубоким.

Характер воздействия литературы на фольклор в основном отражается на судьбе современного устнопоэтического творчества. В этом плане традиционный фольклор проявляет большую устойчивость. Народное творчество, особенно традиционное, как это показали фольклорные экспедиции института 1959—1965 гг., живет активной жизнью и играет важную роль в духовной культуре народа.

Ф. А. Надршина-Созинова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БАШКИРСКИХ ПОСЛОВИЦ (дореволюционный период)

1. Пословицы отличаются от других жанров фольклора наибольшей устойчивостью. В письменных памятниках средневековья можно найти немало общетюркских пословиц, сохраняющих и в настоящее время свое первоначальное звучание¹. Конечно, значительная часть пословиц трансформируется, приобретая с изменением социально-экономических и конкретных исторических условий новую смысловую нагрузку; те пословицы, которые не поддавались трансформации, постепенно исчезали из народной памяти вместе с распадом тех форм общественного строя, которые они изображали. В то же время до наших дней сохранилось немало пословиц, поговорок, которые возникли много десятилетий и столетий назад, в период господства патриархально-родовых традиций или феодальных отношений. Эта устойчивость позволяет в какой-то мере выяснить их исторические основы.

2. Много пословиц отражают домусульманские религиозные воззрения башкир. Например, «*Карға каркылдаһа, кайғы килер*» — «Каркает ворон к большому несчастью» — восходит к древним тотемистическим представлениям. В этом плане обращает внимание довольно широкое распространение среди башкир культа вороны (праздник *карға-туй*, этнонимы *карға* в родоплеменной системе и т. д.).

С древними тотемистическими и анимистическими воззрениями связаны, видимо, и следующие пословицы: «*Урман-колак, ялан-күз*» — «Лес — уши, поле — глаза»; «*Йылан аяғын күргән бәхетле булыр*» — «Увидевший ноги змеи будет счастливым»; «*Торна китһә — торош юк*» — «Улетит журавль — уйдет благополучие» и т. д. Находясь под постоянным воздействием природы, древний человек стремился понять ее тайны, разобраться в сложнейших явлениях мира. В соответствии со своим мировоззрением и накопленным опытом он объяснял

этот мир. Это объяснение часто соответствовало уровню его религиозного миропонимания («*Ут менән һыу тәңре кулында*» — «Огонь и вода в руках всевышнего»). В то же время, приспособляясь к природе и побеждая ее, человек постоянно расширял знания об окружающем мире. Многочисленные приметы, и ныне встречающиеся среди крестьян, являются следствием именно такого взаимодействия человека с природой.

3. Пословицы об общественном и хозяйственно-бытовом укладе башкир отражают различные стадии их исторического развития. Патриархально-родовой уклад, родовую солидарность, обычаи и традиции башкир в период родового строя отражают пословицы: «*Янғыззың йәйҙә лә юғалыр, күмәктең уғы ла юғалмаҫ*» — «У одинокого и лук может потеряться, а в обществе не потеряется даже стрела», — «*Ырыулының уғы юғалмаҫ*» — «У того, кто с родом, и стрела не потеряется».

Обычай кровной мести нашел отражение в пословицах: «*Карымтаға — карымта**» — «Кровь за кровь», «*Кс атаһын ултерер*» — «Месть даже отца убьет».

Сохранилось много пословиц и изречений о феодальном периоде истории башкир. Это прежде всего пословицы о ханах, биях, о народной ненависти к ним: «*Барма бейгә, үзе килер өйгә; барма ханға — үзе килер малға!*» — «Не ходи к бию — сам за тобой придет, не ходи к хану — сам за твоим добром придет; «*Йылан койрокһоз булмаҫ, бей бойорокһоз булмаҫ*» — «Не бывает змеи без хвоста, бия без власти»; «*Хан клында кан ята*» — «Путь хана покрыт кровью»; «*Хан күп булһа, яу күп булыр, бей күп булһа, дау күп булыр*» — «Когда ханов много — много войн, когда биев много — много ссоры»; «*Батыр уртаҡ, бей уртаҡ. Береһе илгә дан сәсә, береһе илгә кан сәсә*» — «И батыр един, и бий един. Один сеет славу, другой — кровь».

Отдаленным эхом феодальных междоусобиц звучат пословицы: «*Бөгөн бер туған, иртәгәһен берен — бере һуйған*» — «Сегодня братья родные — завтра враги кровные»; «*Яуға барған — өләш алған, яузан касқан — башын һалған*» — «Ходивший на сражение долю получил, струсивший себя погубил».

Значительная часть пословиц отражает более поздние классовые отношения. Это изречения о социальной дифференциации: «*Бай байға бара, ярлы ярлыға бара*» — «Богатый идет к богатому, бедный — к бедному», «*Байзарға көндә байрам, көндә туй, ярлыға көндә хәсрәт, көндә уй*» — «Богатым каждый день праздник, бедному каждый день заботы; о тяжелой доле, нищете угнетенных: «*Ярлының аузын аша, үпкәһе күренә*» — «Бедный открывает рот — видны легкие» (буквально).

* Кровная месть.

Большую группу образуют пословицы, высмеивающие баев, мулл, чиновников: «*Мулланың корһағы һигез куй тиреһенән тегелгән*» — «У муллы брюхо из восьми овчин сшито»; «*Эт артында койрок, түрә артында бойорок*» — «У собаки — хвост, у түрә * — повеление» и т. д.

Среди пословиц, отличающихся социальной заостренностью, следует выделить изречения, имеющие узкий хронологический диапазон и конкретное социально-историческое содержание: «*Уразымбәт бей үлгән көн, ун ике йорт ноғай бөлгән көн*» «День смерти Уразымбет-бия — день разорения двенадцати родов ногайцев».

С расхищением башкирских земель, принявшим особенно большие масштабы в конце XIX в., связаны изречения: «*Ерен һаткан — гурен һаткан*» — «Продавший землю — продал свою могилу»; «*Ерен һатып ашаған, ике генә көн йәшәгән*» — «Продавший землю не проживет и двух дней».

4. Представленный материал убедительно свидетельствует о большой научно-познавательной ценности башкирских пословиц. Передаваясь в течение столетий из поколений в поколения, они содержат в себе сведения о древних религиозных воззрениях башкир, об их общественном строе, о тех или иных крупных исторических событиях. В этом плане они представляют значительный интерес как историко-этнографические источники и памятники народного творчества.

* Начальник, чиновник.

¹ Н. Исенбет. Татарские народные пословицы, т. I. Казань, 1959, стр. 83—84; Х. Госман. Татарский стих. Казань, 1964, стр. 37—54; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 273, 274, 280; Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, стр. 31, 51.

М. Г. Рахимкулов

НЕКОТОРЫЕ ТЕМЫ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ «РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О БАШКИРИИ»

1. В своем творчестве русские писатели выражали сокровенные думы и чаяния не только родного, но и других народов России. А. С. Пушкин, реалистически показывая жизнь различных народов страны, одним из первых русских писателей отразил в своих произведениях жизнь башкирского народа. Вслед за ним историей и жизнью народов «далекой восточной окраины» интересуются Л. Н. Толстой, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин, С. Т. Аксаков, М. Л. Михайлов, А. М. Горький и др. Писатели-гуманисты с большим сочувствием относились к трудовому башкирскому народу, выступали против колониальной политики царизма и утверждали идеи дружбы, равенства и братства всех народов.

Существенный вклад в освещение современной им башкирской действительности внесли также местные писатели-краеведы. Среди них особенно велика была роль Ф. Д. Нефедова, А. Г. Туркина, Г. П. Белорецкого, В. В. Брусянина, А. М. Федорова, Н. А. Крашенинникова, П. И. Добротворского, Р. Г. Игнатьева и М. В. Лоссиевского. В свои произведения они вводили образы и мотивы народной поэзии, которыми так богата Башкирия. В зависимости от идейных взглядов, по-разному интерпретируя сюжеты и образы башкирского фольклора, писатели связывали мотивы устнопоэтического творчества с актуальными проблемами современной им действительности и отражали важнейшие общественно-политические тенденции своего времени.

2. Внимание русских писателей к жизни башкирского народа не является чем-то исключительным, автономным. Башкирская тема была частью большой национальной тематики, которая разрабатывалась прогрессивными русскими писателями на всех исторических этапах развития передовой общественной мысли в России. Писатели убедительно показали возра-

стающее развитие дружеских связей русского и башкирского народов.

3. В осуществляемом в последние годы пятитомном издании «Башкирия в русской литературе» охватываются два периода: дореволюционный и советский. Материалы дореволюционного периода составляют три тома, хронологически соответствующие ленинскому определению о трех главных этапах освободительного движения в России, и советского периода — два тома: с 1917 г. до Великой Отечественной войны и с 1941 г. до наших дней. К настоящему времени выпущено три тома, завершение всего издания предполагается закончить к 50-летию Советской власти.

4. Вторым этапом изучения темы «Русские писатели о Башкирии» было монографическое исследование «Мотивы башкирского фольклора в русской литературе XIX — начала XX веков».

Изучение литературных источников, отражающих русско-башкирские литературно-фольклорные связи, показывает огромный интерес русских писателей к Башкирии, ее природе и устнопоэтическому творчеству. В этих произведениях нарисована широкая и правдивая картина общественного положения башкирского, русского и других народов времен «угасающей Башкирии» и отражена борьба народных масс против национального и колониального гнета.

Обращаясь к башкирскому фольклору, черпая из него сюжеты и мотивы, русские писатели отразили важнейшие социальные проблемы дореволюционной Башкирии. Если в первой половине XIX в. внимание русских писателей привлекали эпические памятники башкирского народа и другие фольклорные сюжеты, то вторая половина и особенно конец века характеризуется усилением интереса к социальным проблемам. В произведениях на башкирскую тему начинают ощутимо звучать идеи революционной демократии и раннего народничества. От аллегорического выражения общенародных интересов писатели идут к рельефному отражению интересов трудящихся масс — пролетариата и крестьянства. В пролетарский период освободительного движения отчетливо звучит идея о необходимости социальной революции. А. М. Горький, А. М. Федоров, Н. А. Крашенинников, А. Г. Туркин, В. В. Брусянин, Г. П. Белорецкий и другие писатели пролетарского периода, утверждая веру в возможность лучшей жизни, вносили большой вклад в дело сплочения трудящихся масс вокруг русского пролетариата, звали народ на борьбу за свои права и отображали начало организованной борьбы трудящихся башкир за свое освобождение от гнета самодержавия.

5. Большой интерес представляет изучение проблемы отражения башкирской темы в русской советской литературе. Русские советские писатели воспели героизм народных масс

Башкирии в Октябрьской революции и гражданской войне и активное участие их в мирном созидательном труде по восстановлению и развитию народного хозяйства, самоотверженную работу в социалистическом, колхозном и культурном строительстве. Широко показано также участие башкирских воинов в Великой Отечественной войне и доблестный труд народа в тылу. Значительное место в послевоенной литературе занимает тема борьбы за большую нефть. Много внимания писатели уделяют и изображению многовекового национально-освободительного движения башкирского народа, в особенности — участию в крестьянской войне XVIII в. При обращении к исторической тематике писатели широко используют мотивы башкирского фольклора.

Чрезвычайно интересной представляется также изучение проблемы идейно-творческих связей и взаимоотношений русских писателей, авторов произведений о Башкирии, с большими мастерами слова, в частности, если говорить о XX в., — с А. М. Горьким, В. Г. Короленко, А. П. Чеховым и И. А. Буниным. Исследование этих связей, отраженных в эпистолярном наследии, необходимо для уточнения роли и места того или иного писателя в литературном процессе. В переписке широко отражается общественная жизнь Башкирии, глубже раскрываются интересы и демократическое мировоззрение писателей, разрабатывавших башкирскую тему.

Проблема русско-башкирских литературно-фольклорных связей чрезвычайно сложна и многогранна, и сделанное освещает пока лишь некоторые ее аспекты. Тема «Русские писатели о Башкирии» представляет не только литературоведческий и фольклористический интерес, но, охватывая различные стороны башкирского краеведения, заслуживает пристального внимания и историков, особенно этнографов.

СОВРЕМЕННАЯ ОРФОГРАФИЯ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

1. Письменным языком башкир до конца XIX в. был язык «тюрки», который с начала XX в. сменил татарский литературный язык.

Пользовались ли башкиры до принятия арабского алфавита другой письменностью — сказать трудно. Но некоторые косвенные исторические данные, например, тесная связь и нахождение Башкирии в составе других тюркоязычных государств, имевших свои системы письма, дают право предполагать, что башкиры и до арабского алфавита могли пользоваться другой письменностью.

По утверждению древнекитайских историков, древние тюркоязычные племена, в частности, гунны, уже во втором столетии до н. э. имели свою письменность. Как известно, гуннское нашествие захватило наряду с другими территориями и южную часть современной Башкирии. Гунны вступили в этнический контакт с местным населением. Например, с ними связывают свое происхождение башкиры некоторых местных родов, которые ведут свою генеалогию от вождя гуннов Баламира. Несомненно, гунны должны были принести свою письменность.

Волжские булгары, как теперь уже установлено, до арабской письменности в течение ряда столетий пользовались принесенной ими с юга рунической письменностью. Существовала тесная связь башкир с булгарами. Булгарская культура распространялась на соседние с Булгарией районы Башкирии. Надо полагать, что были и письменные связи, — башкиры, как и булгары, также могли пользоваться руническим письмом.

2. Первый алфавит и орфография башкирского литературного языка были разработаны на основе арабской графики в 1923 г. Однако арабский алфавит не удовлетворял растущие культурные запросы народа. Поэтому башкирская письменность в 1930 г. была переведена на латинизированный алфавит, а в 1940 г. — алфавит на основе русской графики.

Конечно, такая частая смена графических основ и соответственно с ней норм правописания до некоторой степени тормозила поднятие грамотности населения, особенно в 20-е и 30-е годы, когда алфавит башкирского литературного языка основывался на арабской и латинской графике. Но несмотря на это, арабский, а также латинизированный алфавиты в свое время сыграли положительную роль в развитии башкирской письменности.

3. Современный башкирский алфавит полностью учитывает специфические особенности фонетической системы родного языка. Наше письмо обеспечивает общую основу грамотности и на башкирском, и на русском языках.

Современная башкирская орфография построена на фонетическом принципе, сущность которого сводится к тому, что пишущий, выделяя произносимые им звуки, передает их принятыми буквами в их основном значении; этим создается соответствие письма произношению. Этот принцип является основным в башкирском правописании. В отдельных случаях применяются и иные принципы: графический (для слов, заимствованных после революции из русского языка или через русский язык в основной форме); фонематико-морфологический (например, в написании: *алдын-алдынғы, тартын-тартыңқы, ун—ун бер*; в произношении же: *алдын-алдыңғы, тартын-тартыңқы, ун—ум бер*); дифференцированный принцип (*туған-туғандаш, туған тел; тыуған—тыуған ер*): историко-традиционный принцип *красиэн*, при фонетическом написании было бы *керэстейэн*, при графическом — *крестьянин*).

4. Современный башкирский алфавит и орфография сыграли большую роль в деле нормализации башкирской письменности.

Главным итогом этой работы является ныне действующие кодексы основных орфографических правил башкирского литературного языка, а также положительные традиции, сложившиеся в процессе применения этих правил. У нас теперь созданы единые нормы правописания, в которых отразились как особенности, так и перспективы развития башкирского литературного языка.

Современная башкирская орфография нуждается лишь в улучшении и совершенствовании. Этот вывод был признан исторически обоснованным и правильным почти всеми участниками дискуссии по вопросам башкирской орфографии, которая широко развернулась на страницах газеты «Совет Башкортостаны» в 1957—1958 гг.

В башкирском правописании до сих пор есть еще отдельные окончательно не разрешенные и даже спорные вопросы. К ним относятся следующие:

а) правописание беглых гласных звуков в определенных позициях некоторой группы слов;

б) правописание окончаний в заимствованных из русского языка словах;

в) правописание некоторых арабско-персидских слов;

г) слитное и раздельное написание ряда сложных слов.

5. По правилам существующей орфографии (§ 12—В) в словах, оканчивающихся на **к** — **к**, если эти звуки при присоединении к ним гласного звука не чередуются с **г** и **г**, ни в корне, ни при словоизменении, не пишутся буквы **о** — **ө**, **ы** — **е**: *милк милке, милкте, милктәр; курк—куркыу, куркты, курккан; йолк—йолка, йолкто, өрк—өркә, өрктө*. Эти слова, таким образом, пишутся по фонематико-морфологическому принципу. Следует этот параграф орфографии уточнить и установить фонетическое написание: *милек—милке—милекте, милектәр, курык—куркыу, курыкты, курыккан, йолок, йолка, йолокто, өрөк—өркә, өрөктө*).

6. По существующей орфографии мягкость или твердость аффикса определяется последним слогом корня или основы: если последний слог твердый — пишется твердый аффикс, если мягкий — мягкий аффикс: *кала—калалар, завод—заводтар, бүлмә—бүлмәләр, химик—химиктәр* (§ 39—Б).

В основном это правило обеспечивает правильное написание аффиксов. Но на практике встречаются и затруднения, особенно при написании аффиксов в заимствованных словах, у которых последний слог имеет гласные **е** или **и**: *Фрунзе, галифе, ясле, казначей, адыгей, авторитет, бассейн, бухгалтер, бюджет, кабинет, комитет, ленинизм, марксизм, актив, архив, ударник, медик, фалим, шағир и др.* Во всех этих словах мы должны писать мягкий аффикс, потому что последний слог их считается мягким: *кафегә, фалимдәр, совете, ударниктәр, шағирзәр*. В первых двух словах мягкий аффикс подходит, а в последних двух — нет. Получается большое различие между произношением и написанием. В словах *совет, ударник* гласные **е**, **и** произносятся твердо, поэтому требуются твердые аффиксы.

Следует регламентировать написание аффиксов в этих словах и дополнить основное правило соответствующим примечанием.

7. По существующей орфографии при присоединении аффиксов к словам, имеющим на конце удвоенную согласную, одна из согласных опускается [*металл—металлы, (металл+лы), металға, металл+ға*]; при присоединении к словам, оканчивающимся на **ист**, **ст**, **сть**, опускается **т** [*артист—артистәр (артист+тәр), артистка (артист+кә)*], а при присоединении к словам, оканчивающимся на **зд**, опускается **д** [*съезд—съезы (съезд+ы), съезға (съезд+ға)*] (§ 35—Б, 39—Т, Ж). Следует ограничить эти правила; конечные звуки должны опускаться только тогда, когда аффиксы начинаются этими же согласными или гласными звуками: *металлы (металл+лы)*;

металлға (металл+ға), артистәр (артист+тәр), артистка (артист+кә); съезы (съезд+ы), съездға (съезд+ға).

8. Существует разнობой в написании арабо-персидских слов. Не регламентировано чередование д и з, такие слова, как *Фәридә, Сажидә, Хидәйә* и т. д. в одном случае пишутся с з (*Фәрицә*), а в другом — с д (*Сажидә, Хидәйә*). Правило о правописании этих слов можно было бы сформулировать так: «В арабско-персидских словах д после гласных и, ү, ө, о, е и после согласных й, р, чередуется с з (*Кәзриә, Хицәйә. Мәхмүзә, көзрәт, Мәрзән, Зөбәйцә*).

9. Некоторые группы арабо-персидских слов в одном случае пишутся с соблюдением закона сингармонизма башкирского языка (*сәләм, мәкәл, мәкәлә*), а в другом — этот закон не соблюдается (*мәғариф, физакәр, әхлак*). Написание всех этих слов должно быть подчинено закону сингармонизма башкирского языка (*сәләм, мәкәл, мәкәлә, мәғариф, физакәр, әхлак*).

10. Действующие ныне правила написания сложных слов полностью не обеспечивают единообразия написаний. Поэтому на практике существует разнობой. Например, наречия *бер күңәлдән, бер фекерзән, бер һүззән*, прилагательные *бер катлы, ике йөзлө* пишутся раздельно, а наречия *кемузарзән, бер-ауыззән*, прилагательные *үзһүзле* пишутся слитно. Названия гор *Янартау, Ямантау* пишутся слитно, а *Нарыш-тау* — через дефис, *Тимер арка* — раздельно. В словах *Кушканат, Каракалпак* не чередуется с г, а в словах *Карағанат, Карағош, ала-форт, кызылғанат* — чередуется. Второй компонент сложного существительного в одном случае сохраняет первичное свое начертание, а в другом — нет (*гөлйемеш, Баййегет; гөлйемеш, Баййегет*).

Основные правила написания сложных слов должны быть дополнены и уточнены.

11. В заключение об унификации алфавитов. В свое время алфавиты тюркских языков, основанные на латинской графике, были унифицированы, а основанные на русской графике — не унифицированы. Одинаковые звуки на письме в современных алфавитах тюркских языков изображаются по-разному, одни и те же буквы часто обозначают разные звуки. Целесообразно было бы для общих фонем принять единые знаки (буквы), устранить употребление одних и тех же букв для обозначения разных звуков.

Такая унификация алфавитов облегчила бы чтение литературы на родственных языках и позволила бы скорее сделать общим достоянием достижения разных народов в области искусства, науки и техники. Наконец, унификация алфавитов облегчила бы сравнительно-историческое изучение родственных языков.

Т. М. Гарипов

К УСТАНОВЛЕНИЮ ЗВУКОВОГО СОСТАВА СТАРОТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ БАШКИРИИ И ЕГО СООТВЕТСТВИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

I

Отечественная ориенталистика сравнительно недавно приступила к фронтальному исследованию памятников старописьменной культуры тюркских народов Советского Союза. Очевидно, именно этим объясняется то обстоятельство, что Башкирия до самого последнего времени оставалась одной из немногих республик, в которых изыскательская работа над восточными рукописями находилась по существу в зачаточном состоянии. Лишь с начала 60-х годов нашего столетия усилиями местных башкироведов и тюркологов центра (К. З. Ахмеров, Р. Г. Кузеев, Э. Н. Наджип, Р. Х. Халикова, А. И. Харисов, А. А. Юлдашев, Г. В. Юсупов и др.) «белое пятно» на текстологической карте Южного Урала постепенно стирается. Правда, большая часть предпринимавшихся исследований в этой области не носила специального филологического характера поскольку их авторов интересовала, прежде всего, экстралингвистические вопросы возникновения литературного языка в Башкирии в связи с письменными традициями прошлого. Попутно следует отметить, что некоторые из этих вопросов в силу их чрезвычайной сложности и явно недостаточной изученности до сих пор не могут быть решены однозначно, а предлагавшиеся решения не выходят в основном за пределы рабочих гипотез. К их числу, например, относится проблема существования литературного языка у бесписьменных в прошлом народов и не менее дискуссионный вопрос о характере его соотносительности с диалектами обиходно-разговорной речи.

Тем не менее попытки названных исследователей в целом необходимо признать полезными, ибо своими работами они

ввели в научный оборот много ценного фактологического материала, без которого невозможно представить себе сколько-нибудь успешное изучение истории конкретных тюркских языков на территории Башкортстана.

В свою очередь, исследование разнообразных лингвистических связей тюркских народов Урала и Поволжья способно существенно приблизить создание будущей сравнительно-исторической фонетики, грамматики и лексикологии кыпчакской и болгарской групп языков тюркской типологии. Важнейшими вехами на пути осуществления этой грандиозной научной задачи являются всесторонний анализ языковых реликтов и старописьменных памятников и документов, привлечение диалектных данных, сопоставление с аналогичными явлениями в родственных языках и под. При этом необходимо строго различать понятия «история литературного (главным образом, письменного) языка» и «история языка вообще» (то есть совокупность исторической фонетики, исторической грамматики и исторической лексикологии, изучающих факты языка во всех его разновидностях, включая и бесписьменную). Само собой разумеется, что выполнение всего комплекса указанных научных предприятий немыслимо без последовательной координации языковедов Башкирии с татарскими и чувашскими лингвистами, а также с тюркологами других республик страны.

В настоящем сугубо предварительном сообщении автор ставит перед собой достаточно скромные цели — очертить оптимально широкий круг источников по теме «Тюркские языки Башкирии», ограничив его хронологически и локально: сгруппировать наиболее характерные памятники по графическому и содержательному принципам; на основе анализа текстов попытаться воссоздать их первоначальный звуковой состав и сравнить последний с соответственными рефлексам в живых тюркских языках Урало-Волжского ареала; наконец, предложить некоторые свои выводы и рекомендации относительно периодизации и установления языковой принадлежности рассмотренных материалов.

II

В настоящее время в сравнительно-исторической тюркологии принято считать, что самые ранние из известных нам письменных памятников Башкирии, язык которых если не полностью, то хотя бы частично можно считать тюркским, относятся предположительно к концу XIII — началу XIV вв. н. э. Правда, отдельные глоссы, общие с их соответствиями в современных тюркских языках края, прослеживаются и в более древних источниках, но последние написаны на языке иной типологии — арабском. Так, у Ахмада ибн-Фадлана

(922 г. н. э.) мы находим интересную интерпретацию некоторых местных гидронимов тогдашней поры: *Ирхиз*¹, ср. башк. *Ырғыз* «Иргиз»; *Джарамсан* «Б. Черемшан», ср. башк. *Сәрмәсән* «Чермасан»; *Джайһ*, ср. башк. *Йайыҡ* «Яик»; *Самур* «Самара»; *Сух*, ср. башк. *Сок* «Сок»; *Кинал* «Кинель» и др.²

Не менее любопытны и данные этнонимики, зафиксированные восточными авторами мусульманского средневековья, начиная с V в. н. э. Сюда относятся, например, такие родоплеменные названия, как *бурджан* (так именовались наддунайские булгары), ср. монг. *борджигин* (род, из которого вышел Чингиз), башк. *бөрйән* «бурзян»³; *биләр*, с которым обычно сближаются западнобашкирские *бэйләр* и *бүләр* — ср. русск. название города *Биллярск* — и которое, возможно, этимологизируется как чув. *пүлер* (из *пү*, соотв. общетюркск. *бэг* «бек, князь»), но вряд ли, как это полагает С. И. Руденко — хотя и со ссылкой на В. Н. Татищеву — непосредственно связано с *булғар* «булгар»⁴.

Приведем здесь и различные варианты арабско-персидской передачи комплекса *башкорт* «башкир», происхождение которого, несмотря на наличие нескольких несопадающих версий, остается до конца не установленным: *башғард* (Ибн-Фадлан, X в.); *баджғард* (ал-Мас'уди, X в.); *башдждард*, *башдждарт* и *басхарт* (ал-Балхи, X в.); *басдждарт* и *басдждирт* (ал-Идриси, XII в.); *башғирд*, *баш дждирд* и *баш кирд* (Йакут, XIII в.); *башкирд* (Ибн-Саид, XIII в.); *башғарт* (Казвини, XIII в.); *башкард* (Димешки, XIV в.); *басдждирд* (Абу-л-Фида, XIV в.) и т. д.⁵. Обращает на себя внимание то, что ни в одном из написаний не встречается буква *вав* или даже огласовка через *дамму*, к сожалению, этот немаловажный момент, как правило, не принимался до сих пор во внимание большинством этимологизаторов.

Что касается слова *татар*, то оно явно нетюркского происхождения, о чем свидетельствуют и этноним *отуз татар* в тексте большой стеллы Кюль-Тегина (VIII в. н. э.), и название ближайших соседей монголов, наголову разгромленных Чингизом (XII—XIII вв.), и позднейшее причисление к ним кыпчаков — носителей языка «Кодекс Куманикус» (XIV в.)⁶.

Наконец, упомянем о терминах X—XI вв. *сувар* и *суваз* (последний воспринимался одно время и как *суван*), которые ныне, благодаря трудам А. П. Ковалевского, усматриваются в составе позднейших переживаний типа *чываш* «чуваши», *Шубашкар* «Чебоксары» (досл. «город чуваш») и под.⁷

Собственно же тюркский языковой материал рассматривается в докладе по следующим временным и палеографическим рубрикам:

- а) XIII—XIV вв. — болгарские эпитафии;
- б) XV—XVI вв. — пропуск в письменной традиции;

в) XVII—XIX вв. — эпиграфика, рукописи (в частности, некоторые *шажэра* «родословные» — с XIX в.) и издания на языке *турки/төрки* «тюрки»; разрозненные тексты и отдельные слова в русских учебниках, хрестоматиях и словарях (с XVIII в. — например, сочинения Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Г. Георги, М.-А. Казембека, Н. И. Ильминского, В. В. Катаринского, А. Г. Бессонова, Н. Ф. Катанова и др.); автохтонная топонимастика — преимущественно в русской передаче (см. публикацию В. В. Вельяминовым-Зерновым «Источников для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями» и пр.); так называемые «экзотизмы» лексики беллетристических произведений о Башкирии (к примеру, в составе перевода 1809—1812 гг. эпоса о Кузы-Курпесе).

Непосредственный анализ тюркоязычных памятников предвзряется воспроизведением их полных текстов в дошедшей до нас изначальной форме, после чего даются соответствующие реконструкции (иногда на основе конъектур) в виде последовательных транслитераций, выполненных с помощью специально разработанной автором методики чтения арабографических и иных палеограмм, а равно построчные (по возможности дословные) переводы.

Таким образом устанавливается, что текст обеих болгаро-язычных надписей Башкирии (условно названных Сынташской и Красноключеской) по своим фонетическим особенностям находит себе ближайшие параллели в современном чувашском языке и уже потом обнаруживает некоторые соответствия (лучше сказать, отдаленное сходство) с другими тюркскими языками Поволжья — Приуралья⁸. Кстати, с этим положением солидаризируется и большинство лингвистов, исследовавших болгарские памятники вне Башкирии.

С другой стороны, существуют веские основания полагать, что исторически башкирский и татарский языки оставили довольно заметный отпечаток на фонетическом облике и графике функционировавшего среди многих тюркских народов Средней Азии, Закавказья и бассейна Большой Волги языка «тюрки», который на протяжении ряда веков удерживал господствующие позиции — сначала в качестве официального языка Золотой Орды, а затем в роли общего литературного (письменного) языка для названных выше народов.

Более того, в ряде случаев возникает необходимость выделять локальные особенности «тюрки» (например, озвончение анлаутного *п* в старых русских заимствованиях окказионального характера: *бамушник* «помощник», *барутчик* «поручик», *бахутка* «в поход», *бикит* «пикет», *биримир* «пример(но)», *Бугачуф* «Пугачев» и даже *дабурус* «допрос», но *пуп* «поп» и др.⁹).

Все же до окончательного решения вопроса (что станет реальным лишь после доскональных разысканий на всех уровнях привлекаемых языковых структур) следовало бы воздержаться от излишне вольного оперирования понятиями вроде «старобашкирский», «древнетатарский» и под. в отношении языка рассматриваемых документов, тем самым умаляя и своеобразно «актуализируя» специфику последнего. На наш взгляд, «тюрки» и нынешние урало-волжские тюркские языки связаны между собой, но опосредованно, поскольку в процессе их контактирования учитывали и такие внелингвистические факторы, как введение новых систем письма, распространение грамотности и т. д. Нельзя не учитывать также того, что племенные наречия зачастую оказываются древнее интердиалектных образований (так, башк. *Йылайыр* «Зилаир» генетически связан еще с самоназванием монгольского «поколения» *Джалаир*¹⁰ и т. п.).

В результате проведенного исследования появляется возможность уточнить существующие периодизации в развитии тюркских языков (алтайская эра, нижняя хронологическая граница которой простирается за третье тысячелетие до н. э.; тюркская эпоха — до н. э.; хунское время — до V в. н. э.; древнетюркский период — до X в. н. э.; среднетюркский период — до XV в.; новотюркский период — до начала XX в. включительно; новейший тюркский этап — с 20-х годов нашего столетия¹¹) за счет введения, к примеру, для башкирского языка таких дополнительных вех, как старо-башкирская пора (XV — начало XX в. н. э.) и ново-башкирская пора (с 1923—1924 гг. до наших дней).

Определенная новизна вносится также в известную классификацию языков на старописьменные, младописьменные и бесписьменные — условный и недостаточный характер ее не раз отмечался специалистами¹². В условиях же двуязычия и тем более многоязычия гораздо уместнее, по нашему мнению, говорить о старо- или новописьменном *народе*, нежели *языке*. С этой точки зрения тюркское население Башкирии обладает, по-видимому, не меньшей по давности письменной традицией, чем коренные жители соседних Татарии и Чувашии.

В заключении доклада высказывается пожелание о давно назревшей подготовке текстологического сборника тюркских рукописей Башкирии — имеется в виду критическое издание старых памятников с детальным лингвистическим и справочным аппаратом, транслитерацией, транскрипцией и переводами.

¹ По техническим причинам из текста реферата оказались изъятыми все арабграфемные примеры и другие написания на языках оригиналов, кроме башкирского и русского. Транскрипция иллюстраций из тех же соображений максимально облегчена и потому расходится подчас с общепринятой (Т. Г.).

² А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 130, 131, 192, 194.

³ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах в русских. СПб, 1870, стр. 13; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 47; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 39; Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964, стр. 6. Ср. А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Московскому государству. М., 1949, стр. 8.

⁴ *Philologiae turcae Fundamenta*. Wiesbaden, 1959, S. 695; С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 329; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, ч. 1, стр. 57; ср. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 163, 170.

⁵ Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах. ибн-Дастан. в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869, стр. 112—114.

⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 21; Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 53; *Fundamenta*, S. 407.

⁷ А. П. Ковалевский. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.

⁸ Ср. Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.

⁹ Р. Х. Халикова. Язык исторических, юридических, деловых и архивных документов башкир XVIII века. Ученые записки Стерлитамакского госпединститута. Стерлитамак, 1962, вып. VIII, серия филологическая, № 1, стр. 151.

¹⁰ Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 63; ср. А. Н. Усманов. Указ. соч., стр. 7.

¹¹ См., например, Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 113.

¹² Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958, стр. 3 (подстр. прим.).

Н. Х. Максютова

ДИАЛЕКТОГРАФИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

1. Последние годы характеризуются интенсивным изучением диалектов и говоров башкирского языка.

Как известно, установление лексических норм литературного языка практически осуществляется в основном через нормативные словари. Такими словарями башкирского литературного языка являются «Башкирско-русский словарь» (М., 1958), содержащий около 22 000 и «Русско-башкирский словарь» (М., 1964), содержащий 46 000 корневых слов. Однако словарный состав любого развивающегося языка не может быть раз и навсегда твердо установленным, поэтому лексика литературного языка продолжает пополняться диалектными словами, неологизмами, заимствованиями различного характера.

Таким образом, лексика литературного языка в своем дальнейшем развитии опирается преимущественно на внутренние ресурсы, в первую очередь, на живой разговорный язык. Здесь происходит сложный языковой процесс: с одной стороны, литературный язык по многочисленным каналам (книги, журналы, газеты, школы, радио, телевидение, кино, театр и т. д.) настойчиво влияет на диалекты и говоры; с другой стороны, имеет место и обратное влияние диалектов и говоров на литературный язык. В процессе отбора диалектных слов литературный язык должен руководствоваться определенными принципами, главными из которых являются: широкая распространенность и типичность, а также фонемно-структурная «естественность».

2. Наряду с неотложными вопросами башкирского языкознания возникла необходимость лексикографического обобщения диалектной лексики башкирского языка. Изучены восточный диалект с относящимися к нему говорами (айским, аргаяшским, сальзигутским, миасским и кизильским) и южный (средний, демский и ик-сакмарский говоры). В результате

выявлены фонетические и грамматические особенности, обследована региональная лексика. Все это позволило составить двухтомный «Словарь диалектов башкирского языка» примерно на 24 000 слов.

3. При установлении лексических норм литературного языка главный упор был сделан на лексику южного диалекта, а огромный диалектный массив северо-востока, начиная с бассейнов рек Ай, Юрюзань и кончая Курчанскими степями, почти не был использован. Между тем только строгий научный учет особенностей обоих диалектов может содействовать развитию и усовершенствованию башкирского языка.

По результатам лексикографической работы можно заключить, что восточный диалект располагает богатым лексическим материалом, малоизвестным литературному языку, что он содержит редкие реликтовые формы, унаследованные из далекого прошлого.

4. Лексическое своеобразие говоров и диалектов имеет свои границы. Здесь нет полного совпадения с фонетическими и грамматическими изоглоссами. Собранные материалы позволяют нам приблизительно очертить «лексические границы» башкирского языка. По лексическим особенностям объединяются говоры северо-восточных районов Башкирии — Мечетлинского, Белокатайского, Салаватского, Дуванского и Кигинского и говоры южных и центральных районов республики — Белорецкого, Кугарчинского, входящие в состав другого (южного) диалекта, а также Аргаяшского, Кунашакского и Миасского районов Челябинской области. С данной лексической зоной перекликается также лексика так называемых «татаризованных» говоров башкирского языка (Аскинский и Караидельский районы БАССР).

Кизильский говор, входящий в восточный диалект, в отличие от других говоров того же диалекта своим лексическим составом идентичен говорам южного диалекта башкирского языка.

5. Выявление диалектной лексики и отражение его в словаре дает возможность сравнения состава диалектной лексики и лексики литературного языка. Слова узкодиалектного характера, т. е. слова, бытующие в сфере одного говора или одного подговора, не могут претендовать на возведение их в значимость типа слов, имеющих широкое распространение; наоборот, слова с широкой локализацией не могут быть снижены до уровня узкодиалектальных. Эти важные вопросы лексики не разрешены в существующих словарях башкирского языка.

6. Диалектная лексикография имеет не только практическое значение для обогащения и усовершенствования литературного языка, но и играет большую научную роль в раскрытии общетюркских лексических связей, в установлении общего пласта близкородственных языков (например, башкирского,

татарского, казахского и др.), в выявлении заимствований из родственных и неродственных языков.

На территории современной Башкирии функционировали и функционируют финно-угорские языки. Взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия языков чаще и яснее всего выявляются именно в диалектной лексике. Например, в северо-восточных говорах башкирского языка зафиксировано словосочетание *томана утырыу* со значением «сидеть одиноко, замыкаться, не общаться», а в верхневьчегодском говоре коми языка бытует слово *томана* со значением «запертый на замок», в айском говоре башкирского языка известны выражения *дәпән утырыу* «крепко сесть». *дәпән гитеу* «полностью предаться кому или чему-нибудь», а в удорском диалекте коми языка имеется слово *топән* со значением «совсем, совершенно» (*топән оз пов* «совершенно не боится»).

7. Диалектная лексикография в определенной степени содействует решению проблем линггогеографии. В результате применения методов лингвистической географии могут быть получены ответы не только по проблемам языка, но и более конкретные сведения о расселении башкирского народа. «Географическое» изучение диалектов и говоров явится последующим этапом развития башкирской диалектологической науки.

С. Ф. Миржанова

КУБАЛЯКСКИЙ ГОВОР И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ ГОВОРАМ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

1. В основу башкирского литературного языка легли два диалекта: южный (юрматынский) с ик-сакмарским, средним, демским говорами и восточный с аргаяшским, салъютским, айским, миасским, кизильским говорами.

Говоры восточного диалекта разделяются на две группы: северо-восточную (айский, миасский, аргаяшский, салъютский) и юго-восточную (кизильский с подговорами). Между этими группами на стыке трех крупных говоров (кизильского с юга, среднего с запада и тептярей Учалинского района БАССР с севера) в верховьях рек Белой, Урала, Кизила, расположен кубалякский говор, включающий в себя в основном говор башкир — кубаляков и теляуцев.

Территориальное обособление от северо-восточной группы с севера тептярским и смешанными башкирскими говорами (Ишкино, Кутуево, Кулушево, Тунгатарово и др.) и непосредственное соседство с кизильским говором с юга и инзерским — с запада позволяют рассматривать его как самобытный говор со своими специфическими особенностями. Кубаляки и теляуцы издавна выделяются как самостоятельные роды в составе табынского племени. В последней четверти XIX в. они объединились в Кубаляк-Теляускую волость, в которую входило около 40 деревень. В эту зону входит несколько деревень тамьянцев и кузгун-катайцев, расположенных по верхнему течению р. Белой на пограничной полосе между территориями среднего и исследуемого говоров. Кубалякский говор разделяется на 3 подговора: кубалякский, теляуский и верхнебельский.

2. Одной из основных фонетических особенностей кубалякского говора является наличие глубокозаднеязычного, назализованного **а**, которое спорадически характерно подговорам среднего говора. Соответствия **а-у**, **а-ы**, **а-и** акцентируют **акающий** характер речи носителей говора, обусловленный акусти-

ко-физиологическими качествами звука а (*йак* — лит. *юж* «нет», *кай* — *куй* «нет, не надо», *аны* — *уны* «его», *уллал* «он», *шулайткан*||*шалайткан* «так сделал»). Подобные соответствия отчасти характерны аргаяшскому, сальютскому говору и диалекту западно-сибирских татар ¹.

Интересный материал дает кубалаякский говор по соответствиям *э-е*, *е-э*, *э-и*, *и-э*, которые показывают различные ступени развития древнетюркского *э*: *эштеу* — лит. *иштеу* «слышать» — древнетюркск. *эшид*²; *шиш!* — кизил. *шеш!* — киргиз. *чиш*, *чыш*, *чуш!* «цыц! *Тур.*, туркм. *сес.*, азерб. *сәс.*, чуваш. *сас* «голос, звук», гагауз. *сыс*||*сус* «замолчи» ³.

Вышеуказанные соответствия, связанные с передвижением древнетюркской шкалы гласных, указывают на наличие в башкирском языке различных ступеней развития (перехода) *э — е — и* и дальнейшее поступательное развитие ⁴ данного фонетического явления в башкирских говорах. В говоре отмечено наличие твердого варианта *и* с соответствиями, свойственного также кумыкскому, чувашскому, хакасскому, узбекскому языкам. В уйгурском языке звук *ы* не имеет фонематического значения, вместо звуков *ы*, *и* употребляется одна индифферентная фонема *и*.

Характерной особенностью говора является употребление *у*, *ү* вм. *о*, *ө* (*һурай* «спрашивать», *башкурт* «башкир», *йамғур* «дождь». *һунәр* ремесло», *бугала* «овод», *тартушкә* «кочерга», *упсын* «чепрак») наравне с миасским, аргаяшским, сальютским говорами и диалектом западно-сибирских татар.

Наряду с своеобразными дифтонгическими сочетаниями (*ауһак* «осина», *аузауа* «вдова», *әжән* топоним.), говору характерна монофтонгизация: *душ* «наледь», *куш* вм. *кыуыш* «шалаш», которые находят соответствия в алтайском (*тош*) и монгольском (*тошин*, *кош*, *хош*) языках.

Как в отношении проведения закона губной гармонии башкирский язык отличается от татарского, чувашского, казахского, ногайского, каракалпакского языков, где «факультативное огубление узких гласных под влиянием *о*, *ө*, может доходить только до второго слога» ⁵, так и в интенсивной делабиализации древнетюркских гласных он стоит обособленно. В исследуемом говоре явление делабиализации выступает еще ярче: *ығырмау* — лит. *үңәрбау* «подвязка для ворота рубахи», *бистау* — лит. *бустау* «сукно», *ыктау* — лит. *уклау* «скалка». Оно приводится по общетюркскому соответствию *о*, *у* > *ы*, *а*; *у* > *ы*, *у* > *а*. Большую роль в делабиализации играет спирант *у* (*w*), как и чувашский *в* ⁶.

Кубалаякский говор выделяется среди говоров восточного диалекта преимущественным употреблением «твердых» вариантов слов, что отражается и на заимствованиях. Большое количество сингармонических параллелизмов приходится на долю заимствований из арабского, персидского, русского, а

также финно-угорских языков. Варьирование собственно тюркских корней насчитывается в ограниченном количестве.

3. Частичное оглушение звонкого **б** в анлауте и интервокальной позиции (*түпә* «макушка», *түпырсык* «шишка хвойных деревьев», *калпаса*, *паркат* и др.), наблюдаемое также и в других говорах башкирского языка, несколько отличается от такого явления в языках огузской, кыпчакской, карлукской групп. Кубалякский говор в этом отношении сходен с чувашским, хакасским, алтайским языками, а также диалектом западно-сибирских татар, (*пудене* «перепелка», *пағыр* «кричать», *пеле* «рябина»).

Говор характеризуется активным употреблением сонорного **м** вместо **б** (*машак* «колос», *марзау тамыры* «сонная артерия», *мартамдау* «злиться», *моргак* «намордник», *мөрсөктәү* «очистить аркан»). Подобное явление частично наблюдается в аргаяшском, сальютском, среднем говорах.

Анализ многочисленных соответствий согласных звуков, распространяющихся на два-три слова, показывает, что говор сохранил интересные фонетические явления, ценные для изучения истории башкирского языка (**р — ʒ**, **л — ʒ**, **р — т**, **л — ш**, **т — с**, **һ — с — ш**).

В говоре наибольшую неустойчивость проявляют сонанты **р**, **л**, **м**, **н** и среднеязычный **й** (**j**). В определенных позициях выпадает также **һ**, **х**, **ғ**, **г**, **т**, **с** (*сылғый* — *ылғый* «постоянно»). Сонант **р** выпадает перед глухими **ш**, **с**, **ç**, **ч**, **т** и **ғ**. Выпадение **р** Н. К. Дмитриев связывает с законом ротацизма в тюркских языках⁷. Неустойчивость **й** связана с **г** и **ғ**, а также с долгими гласными⁸.

4. Специфической чертой кубалякского говора является употребление (с точки зрения современного состояния языка) безаффиксальных, корневых слов, которые являются более древними, чем осложненные, но развитые формы позднего периода⁹ (*сыу* «послед», *шыр* «чащоба», *йән* «зверь»).

Анализ сложных (парных) слов, зафиксированных в говоре, показывает, что парные слова состоят из синонимичных слов, появившихся в языке в хронологически различное время. Вторые компоненты их восходят к древнетюркскому периоду (*карт-камкы* «старики» древнетюркск. *каң* «отец», *зат* — *ул* «род (собр.)», алт., монг. *ук* «род, племя»).

В кубалякском говоре наблюдается стремление к дифференциации омонимичных слов (имен и прилагательных) при помощи формальных показателей (*йәшке дәүер* «молодая порода», *йегеңке ат* «ездовая лошадь», *тибеште ат* «крепкая лошадь», *кулы шокто* «нечист на руки», *йокмалы аурыу* «заразная болезнь» и пр.). В говоре богато представлены многообразные словообразовательные аффиксы имен и прилагательных, характерные своей активностью (*-ма*, *-мак*, *-мыш*, *-ак*, *-ык*, *-аш*, *-ыш* и др.) с довольно интересным диалектным мате-

риалом (*йулмак*||*йорма* «осколок, остаток, кусочек», *сакма* «игральная кость», *йаңышак* «много ругающийся»), многие из которых находят свои соответствия в древнетюркских языках.

В говоре зафиксированы формы понудительных глаголов, конечные согласные аффиксов которых (*р-з*) отражают явление ротацизма¹⁰.

Представляет интерес древний аффикс желательного наклонения *гайы-гайе* (в отрицательной форме), характерный также для среднего и айского говоров башкирского языка и широко представленный в других тюркских языках.

Специфической особенностью кубалаякского говора является активное функционирование глагольных аффиксов *-а-э, ы-е*, игравших в древности большую словообразовательную роль (*төшәү* «говорить во сне», *каңғыу* «стать сухой (о погоде)»), и аффиксов *-да-та-за-ла* (*аймактау* «защищать», *арыктау* «худеть», характерные для алтайского, тувинского, якутского языков).

5. Изучение лексики кубалаякского говора в сравнительно-историческом плане с изученными говорами башкирского языка, а также с восточными тюркскими языками показало, что в говоре сохранился лексический пласт, общий с древнетюркской и общетюркской лексикой (*балға* «молоток», каз. *балға*, кирг. *балка*, уйгур. *болка* (лобнор. *балока*), тув., алт. *алаға*, монг. *алах*; *саксак* «старушечья шуба из лисьих лапок», тур. *сако* «верхнее платье, пальто», азерб. *чэкачыг* «длинное женское платье», алт. *чамча* «рубашка», тув. *сахсарға* «шкурка годовалого ягненка», якут. *саххтаах* «доха, шуба», ненец. *саук*, *сок* «шуба», хант. *сах* «особый вид шубы из оленьего меха»).

В говоре выявлен лексический пласт (из области лесной, рыболовной, ландшафтной и бытовой терминологии), общий с финно-угорскими языками (*керәш* «толстое большое бревно», коми *кер*, удм. *кор* «бревно», *кушмак* «березовая кора», коми *кач* «пихтовая кора», *крәкә* «болотистая пойма реки, заросшая кустарником», коми *кыр* «обваливаться», удм. *кырем* «овраг, канава», *Крака*, *Кыркты* — названия местных горных хребтов, мар. *курәк*, *кәрәк* «гора» и т. д.).

Кубалаякский говор характеризуется обилием русизмов, которое объясняется давним тесным общением с русским населением, привлеченным в этот район на горнорудные работы. Русские заимствования издавна служили источником обогащения кубалаякского говора новыми терминами.

Изучение лексики говора в семантическом плане показало его богатство своеобразными синонимами (*йәмде* — *һылыу* — *баска* «красивый»), омонимами, развитию которых способствовало наличие резко выраженных диалектных особенностей в говорах башкирского языка, заимствования из других тюркских, а также русского, арабского, персидского и финно-угор-

ских языков. Компоненты диалектных фразеологизмов часто восходят к древним тюркским, финно-угорским языкам (*эс үтеү* «понос», алт. *өткөк* «понос», *биләңке булыу* «заболеть повторно», алт. *билиң* «болезнь подражания», кирг. *белимчи* «нервнобольная»). В результате изучения кубалаякского говора сравнительно с другими говорами башкирского языка определено его место в восточном диалекте и выявлены моменты, указывающие на древние контакты его с восточными тюркскими языками.

¹ Г. Х. Эхатов. Себер татарлары теле. Казан, 1960, 15 бит.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 366.

³ Л. А. Покровская. Основные черты фонетики современного гагаузского языка. Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1960, стр. 187.

⁴ В. И. Котлеев. Система гласных фонем чувашского языка. Уз. ИИИЯЛИ, вып. XXVI. Чебоксары, 1963, стр. 20.

⁵ Ф. Г. Исхаков. Гармония гласных в тюркских языках. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, стр. 156.

⁶ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 17.

⁷ Н. К. Дмитриев. О произношении общетюркского Р. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 8.

⁸ Э. В. Севортян. Выпадение согласных в южных тюркских языках. В сб.: «Исследование по грамматике тюркских языков», ч. I. М., 1955, стр. 290.

⁹ А. Зайончковский. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 33, 34.

¹⁰ А. Г. Бишев. Соответствие Р||З в алтайских языках. В сб.: «Исследования по уйгурскому языку». Алма-Ата, 1965, стр. 198.

З. Г. Ураксин

СИНОНИМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА

(на материале башкирского языка)

Представляется весьма интересным с точки зрения соотношения мышления и языка явление синонимии, при котором одна и та же единица мысли выражается несколькими лексико-фразеологическими единицами.

Известно, что мыслительная деятельность совершается как познание; движение и развитие мышления находит свое материальное выражение в языке.

Предметы, явления объективного мира и взаимоотношения между ними многообразны, бесконечны. В человеческом сознании обобщенно отражаются их основные свойства. Познание объекта совершается постоянно, одно и то же явление действительности находит все новое и новое отражение. Понятие об объекте каждый раз уточняется, конкретизируется, раскрывается с различных сторон и находит выражение в новом наименовании. Возникшее вновь наименование не приходит в противоречие со старым, не вытесняет его, они сосуществуют, взаимно дополняя друг друга, полнее раскрывают свойства явлений, предметов и их отношения. Так образуются в языке целые цепочки и деографических синонимов, которые, совпадая в основном смысловом содержании, различаются тончайшими оттенками значения, то есть дополнительными семантическими качествами.

Семантические оттенки различия весьма разнородны и с трудом поддаются какой-либо системной классификации.

Все же можно выделить следующие из этих оттенков: а) протекание действия, процесса в течение определенного срока (более или менее длительного). Например, *күз һирпеу*, *караш ташлау* «взглянуть, кинуть взор (быстро, мимолетно)», *күз тегеу* досл. «пришить глаз», *күз төбәу* досл. «уоставить гла-

за (вглядываться долго, смотреть продолжительно)»; б) уточнение, конкретизация действия. Например, *йөзәтеү, теңкәзә тейеү, тәкәтте коротоу* «докучать, надоесть окончательно (надоедать поступками, словом, делом и т. д.)» выражают более общее действие, нежели их синоним *колак итен ашау* досл. «съесть мясо уха» (соотв. «прожужжать все уши» в значении «надоедать разговорами, нудным повторением одного и того же»).

Семантическими оттенками изобилуют преимущественно прилагательные и особенно глаголы, которые, обозначая качества и действия, проявляют более значительную динамичность, чем другие разряды слов.

В качестве примера можно привести цепочку синонимов с общим значением «бросить»: *бәреү* (кинуть легкий предмет, нацелившись); *ырғытыу* (бросить тяжелый, увесистый предмет); *атыу* (бросить стремительно, резко; теперь больше употребляется в значении «стрелять», но прежнее значение также сохраняется, например, *һыу төбөнә таш аттым* «я бросил камень в воду»), *ташлау* (бросить, не нацеливаясь, обычно сверху вниз); *сөйөү* (кинуть, пустить снизу вверх); *бырғау* (бросить с размаху, с большой силой); *бырактырыу* (швырнуть с чувством гнева, возмущения). Одно и то же понятие «бросить» обозначено здесь по-разному, в зависимости от того, как брошен предмет, какой предмет брошен — тяжелый или легкий — и в каком направлении. В данном ряду синонимов выражено стремление обозначить одно и то же действие («бросание») в различных ситуациях. Каждый из них, имея общее, содержит в себе и нечто отдельное, различающее, исходящее из неодинакового проявления данного действия и его отражения в мышлении.

В процессе познания окружающей действительности одни объекты сравниваются с другими, неизвестное раскрывается через известное, в результате чего в языке возникают простые и образные сравнения, сравнительные обороты и конструкции, которые, обогащая синонимическую систему языка, способствуют наиболее полному, наглядному раскрытию понятий об объектах и взаимоотношениях между ними.

Например, понятие «быстро, мгновенно» (*тиз*) может передаваться образными сравнениями: *һә тигәнсе* «мгновенно» досл. «пока сказал «хэ», *йәшен тизлеге менән* «с быстротой молнии», *куз асыл йомғансы* соотв. «в мгновение ока», *керпек какқансы* досл. «пока тряхнул ресницами» и др. В данном случае понятие быстроты, мгновенности раскрывается через другие явления, которые имеют одно общее, сходное: все они совершаются мгновенно. Поэтому создается возможность поставить их в одну цепочку. Получается мысленное сближение или уподобление разнородных по существу, но совпадающих в чем-то явлений.

Однако нельзя думать, что положение о единстве мышления и языка предопределяет безусловную зависимость языка от мышления. Язык, будучи социально-исторически обусловленной системой знаков, развивается не только под воздействием мышления. Важное значение в его развитии имеют факторы внутреннего и внешнего порядка, которые, в свою очередь, дают толчок совершенствованию и развитию мышления.

Так, в результате исторического взаимодействия различных родственных и неродственных языков, литературного языка и диалектов появляются одинаковые по значению лексико-фразеологические средства (синонимы), тем самым предоставляя мышлению новый языковой материал.

Язык не терпит совершенно одинаковых средств. Новые образования обычно имеют тенденцию к вытеснению своих лексических эквивалентов, в результате чего последние уходят в пассивный словарный запас. Ср., например, синонимы: *табиб—врач, мөгәллим—укытыусы* «учитель» и др. В современном башкирском литературном языке наиболее активно употребляются *врач, укытыусы*.

В словарных заимствованиях также проявляется дифференцирующая деятельность мышления. Заимствуется не все без разбора, да и заимствованное может вскоре выпасть. Наиболее прочно удерживаются в языке те лексические средства, которые необходимы для выражения определенных оттенков значения, эмоционально-экспрессивного тона или для стилистического разграничения речевых средств. Подобные заимствования не вступают в конкуренцию с имеющимися в языке лексическими средствами, а занимают свое определенное место в системе синонимов и функционируют в ней, расширяя выразительные возможности заимствующего языка.

Стилистические синонимы совпадают по значению, различаются же они сферой употребления. Так, например, в современном башкирском языке понятие «родина» выражается словосочетанием *тыуған ил* и его устаревшим вариантом *ита йорт*. В том же значении функционирует и заимствованное из персидского языка слово *ватан*, которое имеет высокую стилистическую окраску и, употребляясь преимущественно в книжной речи, не показывает тенденции к вытеснению собственно башкирского выражения.

Понятие внешней красоты в башкирском языке выражается также по-разному: *һылыу* «красивый» (о человеке, некоторых явлениях природы), *сибәр* «красивый» (о человеке), *күркәм, күрекле* «привлекательный, красивый» (о человеке, отдельных предметах), *күреп (һокланып, қарап) туйғыһыз* «ненаглядный, очень красивый» (о непосредственно воспринимаемых явлениях, предметах, человеке), *күз яуын алырлык* «обворожительный, ослепительный» (о красочных, ярких предметах), *һомғол* «стройный» (о красоте стана). При нали-

чий такого изобилия названий вполне уживаются и заимствования из арабского языка *зифа*, *нафис*, которые выражают своеобразие, оттенок красоты, а именно «изящность, нежность». Активно употребляются и слова *матур* «красивый» (наиболее общее по значению) и *гузал* «прекрасный», выражающее высшую степень красоты.

Таким образом, существование в языке синонимов, разных по характеру сходства и различий между собой, обусловлено особенностями мыслительной деятельности как отражения объективной действительности, а также условиями функционирования языка.

В современной лингвистике нет единого, общепринятого определения синонимов, что является следствием сложности самой природы лингвистического знака, его связей с другими категориями и неодинакового подхода к нему. Исследователи обращают внимание либо на понятийную сторону слова, либо на связи его с предметами и явлениями окружающей действительности, либо, наконец, на грамматическую структуру, а также этимологические связи между ними и дают определение синонимам соответственно с логической, предметной грамматической и этимологической точек зрения¹.

Действительно, в одном определении трудно выразить сложную природу лингвистического знака и взаимоотношений между различными знаками. В качестве основного критерия, благодаря которому создаются синонимические ряды, принимается совпадение смыслового ядра слов и устойчивых словосочетаний, в котором выражено единое для данного ряда понятие. Все остальные признаки (оттенки значений, эмоционально-экспрессивные качества, стилистическая окраска, сочетаемость и др.) являются разъединяющими синонимы между собой. При отсутствии таких признаков синонимы-дубликаты имеют тенденцию к вытеснению друг друга.

¹ В. Н. Ключева. Место лексических синонимов в языке. — Тезисы докладов на V международном методическом семинаре преподавателей русского языка вузов социалистических стран. М., 1962, стр. 17 и др.

Т. Х. Ахмадиев

ПОДГОТОВКА КАДРОВ РАБОЧЕГО КЛАССА В БАШКИРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

1. Социалистическая индустриализация страны со всей остротой поставила проблему подготовки кадров рабочего класса. Обеспечение быстро растущей промышленности рабочей силой было в центре внимания Коммунистической партии, советских, хозяйственных и профсоюзных органов. XVI съезд ВКП(б) указал на необходимость «решительного и резкого расширения и качественного улучшения практической работы в области подготовки и повышения квалифицированных кадров промышленности»¹.

Начало нового промышленного строительства и коренная реконструкция многих старых производств в Башкирской АССР в годы первой пятилетки потребовали подготовки строителей, энергетиков, металлургов, химиков, деревообделочников и т. д. По оценке Наркомтруда БАССР в 1930 г. нехватка только строителей определялась в 19 тыс. чел. Общая же потребность промышленных предприятий в квалифицированной рабочей силе достигла 28,8 тыс. чел.².

На пути решения проблемы рабочих кадров имелось немало трудностей. Техничко-экономическая и культурная отсталость Башкирии в прошлом продолжала отрицательно сказываться на грамотности и общеобразовательном уровне населения. По данным переписи 1926 г., грамотность по БАССР составляла 30,9 проц. (по СССР — 51,1 проц.); особенно низка она была среди башкир, чувашей, марийцев.

Население городов и других пунктов, где имелось какое-либо промышленное производство, было преимущественно русским. При общем удельном весе городского населения по БАССР — 8,8 проц., жители городов и рабочих поселков составляли: башкиры — 1,8 проц., татары — 3,6 и т. д.³. Между тем более половины населения республики состояло из башкир и татар. Приобщение их к индустриальному производству,

которое диктовалось как развитием самой промышленности, так и задачами ликвидации фактического неравенства, не могло быть осуществлено в короткие сроки. Этот прогрессивный процесс сопровождался ломкой хозяйственно-бытового уклада, психологии коренного населения, особенно той его части, которая в прошлом занималась преимущественно скотоводством и вела полукочевой образ жизни. Все это создавало дополнительные трудности. Серьезные затруднения вызывала также крайняя малочисленность инженерно-технических работников высшей и средней квалификации, почти полное их отсутствие среди башкир и татар.

2. Основой подготовки квалифицированных кадров рабочих является грамотность и общеобразовательный уровень городского и сельского населения. В Башкирии с 1929—1930 гг. развернулась широкая борьба за ликвидацию безграмотности и малограмотности. При городских и поселковых Советах были организованы комиссии содействия ликбезу, на промышленных предприятиях и стройках открыты школы грамоты. Широкая сеть школ ликбеза создавалась в деревне. По данным Наркомпроса БАССР, в течение 1929—1932 гг. различными формами учебы было охвачено более 500 тыс. неграмотных и 140 тыс. малограмотных⁴. Но эти меры представляли лишь первые шаги на пути поднятия общеобразовательного уровня трудящихся. Даже к началу 1937 г. в составе рабочих крупных предприятий Башкирии безграмотные составляли 20, малограмотные — 22 проц. к общему числу рабочих⁵.

Введение всеобщего начального обучения в годы первой пятилетки облегчало дело комплектования школ ФЗУ и краткосрочных курсов. Часть же окончивших начальные школы поступала непосредственно на фабрики и заводы, где сравнительно быстро получала квалификацию. Большую роль играли также фабрично-заводские семилетки (ФЗС), школы колхозной молодежи (ШКМ) и школы II ступени, выпускники которых имели возможность поступать в профессионально-технические школы и в средние технические учебные заведения.

3. Подготовка квалифицированных рабочих кадров осуществлялась через школы ФЗУ и краткосрочные курсы, а также непосредственно на производстве. Основной формой подготовки рабочих из числа подростков, как и в годы восстановления народного хозяйства, являлись школы ФЗУ и другие школы этого типа.

К началу первой пятилетки в Башкирии имелось 7 школ ФЗУ, 3 профтехшколы, 5 учебно-показательных мастерских, 3 школы бригадного ученичества. К концу 1932 г. насчитывалось 34 профессионально-технических школы различного типа с контингентом 7 тыс. чел. (в том числе в 20 школах ФЗУ —

около 5 тыс. чел.)⁶. Но из-за большого отсева учащихся школы ФЗУ покрывали лишь незначительную часть потребности в рабочей силе.

В годы первой пятилетки наибольшее распространение получила подготовка рабочих на краткосрочных курсах. Через учебные пункты акционерного общества «Установка» готовились кадры строителей, токарей, слесарей, шоферов. В 23 пунктах и базах этого общества обучались одновременно более 6 тыс. чел. При Народном Комиссариате Труда БАССР с 1930 г. работали курсы каменщиков и плотников, в Баймаке были организованы курсы забойщиков, мотористов, шоферов, трактористов. Трест «Башжелдорстрой» готовил бригадиров, десятников и строителей многих специальностей. Только за 1931 г. через всю курсовую сеть БАССР было подготовлено около 10 тыс. рабочих массовых профессий⁷.

Одной из форм подготовки кадров для промышленности являлось также повышение квалификации рабочих — посланцев Башкирии — на стройках и предприятиях других городов. В 1931—1932 гг. сотни рабочих, в том числе башкиры и татары, перенимали опыт строителей Москвы, Ленинграда, Магнитостроя. Группы молодежи были посланы на Сталинградский и Челябинский тракторные заводы. В школе бурильщиков в Верхне-Чусовских городках (Свердловская обл.) работала специальная группа по подготовке нефтяников для Башкирии.

Реконструкция предприятий, усовершенствование оборудования потребовали поднятия технического уровня всех рабочих. В связи с этим возросло значение повышения квалификации непосредственно на производстве. В июле 1931 г. Совнарком СССР установил единую систему рабочего образования, состоявшую из вводных в производство курсов (обязательных для всех вновь поступающих рабочих), производственно-политехнических курсов и рабочих технических школ. Применялась система и так называемого Дополнительного рабочего образования (ДРО), в школах которой наряду с технической учебой рабочие повышали общее образование и политическую грамотность. К концу 1932 г. в республике работали 17 школ ДРО с охватом 850 чел.⁸. Кроме курсовой системы, некоторое распространение получило бригадное и индивидуальное обучение рабочих. В июне 1932 г. постановлением Совета Труда и Обороны вводится обязательное техническое обучение рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки и механизмы. К середине следующего года учебой по обязательному техминимуму было охвачено 2,5 тыс. рабочих различных профессий.

4. Башкирская областная парторганизация уделяла серьезное внимание подготовке национальных кадров рабочих. По решению обкома ВКП(б) дважды (в 1930 и 1931 гг.) в школы

ФЗУ и на различные курсы было мобилизовано более 2 тыс. комсомольцев и молодежи из башкир, татар и др. («тысячники-националы»). На Уфимской ЦЭС и ПРЗ, Белорецком металлургическом, Красноусольском стекольном заводах, на швейной фабрике были открыты специальные курсы для обучения «тысячников». При проведении очередных наборов в школы ФЗУ и типа ФЗУ привлекалось определенное количество подростков из башкир. В 1932 г. в составе учащихся школ ФЗУ башкиры составляли 34,3 проц. (в начале 1930 г. — 26,6)⁹. Но многие учащиеся из башкир и татар уходили из школ и курсов, на завершив обучения. Из 1300 мобилизованных в 1930 г. закончили учебу лишь 466 чел.¹⁰. В этом сказывались тяжелые жилищно-бытовые условия для учащихся, их низкий образовательный уровень. Имели место факты и несерьезного, порой пренебрежительного отношения к делу подготовки национальных кадров со стороны некоторых руководителей партийных и хозяйственных органов (ПРЗ, ЦЭС, Белорецкий металлургический завод).

5. Несмотря на большие трудности, успехи в подготовке кадров были налицо. Общее количество рабочих крупной промышленности Башкирии выросло за пятилетку с 12 тыс. до 24,4 тыс. чел., т. е. более чем вдвое. Численность строительных рабочих увеличилась с 3,1 тыс. до 20,6 тыс. чел. Удельный вес башкир среди рабочих крупной промышленности вырос за это же время с 6 до 9,9 проц.¹¹. Произошли и качественные изменения в составе рабочих. Повышался их культурно-технический уровень, росла политическая и трудовая активность. Рабочий класс своим самоотверженным трудом обеспечил реконструкцию и расширение таких крупных предприятий, как белорецкие металлургический и сталепроволочный заводы и др. Вошли в строй новые крупные предприятия: мощная ЦЭС в районе Уфы, спичечная фабрика. Завершалось строительство других объектов Черниковского промышленного комбината — лесопильного, фанерного, дубильно-экстрактового заводов. Полным ходом развернулось строительство машиностроительного завода, начал создаваться нефтепромысел в районе Ишимбаево. Вступили в эксплуатацию десятки предприятий легкой и пищевой промышленности.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. III. М., 1954, стр. 45.

² Материалы к отчету Башкирского обкома ВКП(б) XIV областной партконференции. Уфа, 1930, стр. 99; «Красная Башкирия», 30 января 1930 г.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. 4. М., 1928, стр. 316, 324, 325.

⁴ Партархив Башкирского обкома КПСС, ф. 122, оп. 18, д. 639, л. 95; ЦГА БССР, ф. 472, оп. 7, д. 644, л. 48.

⁵ Партархив Башкирского обкома КПСС, ф. 122, оп. 16, д. 303, л. 25.

⁶ ЦГА БАССР, ф. 472, оп. 3, д. 789, л. 73; д. 805, лл. 37—102; оп. 7, д. 644, л. 48; «Красная Башкирия», 21 апреля 1931 г.

⁷ Партархив Башкирского обкома КПСС, ф. 122, оп. 9а, д. 7, л. 37.

⁸ ЦГА БАССР, ф. 472, оп. 3, д. 832, л. 41.

⁹ Ж. «Революция и национальности», 1932, № 5, стр. 98.

¹⁰ Материалы к отчету Башобкома ВЛКСМ в период с IX по X Всебашкирскую конференцию ВЛКСМ. Уфа, 1932, стр. 26; «Красная Башкирия», 26 апреля 1931 г.

¹¹ ЦГА БАССР, ф. 394, оп. 3; д. 725, лл. 88; ф. 472, оп. 7, д. 646, л. 16; Социалистическое строительство Башкирии за пятнадцать лет. М., 1934, стр. 62.

А. М. Янгалин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ БАШКИРИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В результате быстрого развития промышленности и других отраслей народного хозяйства численность рабочих и служащих в Башкирской АССР увеличилась в годы четвертой пятилетки на 44 и пятой пятилетки на 34,4 проц.¹ Рост рядов рабочего класса сопровождался, особенно в первые послевоенные годы, значительным обновлением его состава. Только в 1945 г. из Уфы, Стерлитамака, Ишимбая выехало в центральные и западные районы страны свыше 17 тыс. рабочих и служащих, эвакуированных сюда вместе с предприятиями в начале Отечественной войны². С производства ушла часть рабочих преклонного (пенсионного) возраста, а также многие женщины. Те рабочие, которые получили возможность продолжать прерванное войной образование, поступали в очные средние учебные заведения и вузы.

Замена ушедших с производства и дальнейшее увеличение общей численности рядов рабочего класса происходили в 1945—1947 гг. в основном за счет воинов, демобилизованных из Советской Армии, а также сельской и городской молодежи. В последующие годы основным источником роста рабочего класса явилось сельское население и, прежде всего, молодежь.

Приток в промышленность, на строительство и транспорт неквалифицированных рабочих, как и уход по указанным выше причинам, с предприятий квалифицированных, наложил свой отпечаток на культурно-технический уровень рабочего класса республики. Происходит увеличение удельного веса неквалифицированных и слабоквалифицированных рабочих и сокращение рабочих средней и, особенно, высокой квалификации. Так, на станкостроительном заводе им. В. И. Ленина удельный вес высококвалифицированных рабо-

чих снизился с 20,6 проц. в 1944 г. до 13,1 проц. в 1946 г. То же самое наблюдалось и на других предприятиях³. Возникла необходимость дать какую-либо специальность не только вновь пришедшим на производство, но и тем рабочим, которые в годы войны из-за однообразия выпускаемой продукции превратились в рабочих-операционников. Все это потребовало значительного расширения масштабов подготовки и переподготовки кадров.

В послевоенные годы существовали две основные формы подготовки квалифицированных рабочих: обучение непосредственно на производстве и в школах и училищах трудовых резервов.

В годы четвертой пятилетки непосредственно на производстве было подготовлено свыше 128 тыс. квалифицированных рабочих, из них 63,5 тыс. в промышленности, 8,3 тыс. в строительстве и т. д. В 1951—1955 гг. подготовка кадров еще более возросла. Всего за это пятилетие было подготовлено свыше 184 тыс. чел., из них около 78 тыс. рабочих в промышленности и 13,3 тыс. на строительстве⁴.

Наиболее массовой формой подготовки квалифицированных рабочих непосредственно на производстве являлось индивидуальное обучение. В 1950 г. этим методом было охвачено около 40 проц. вновь обучаемых рабочих, а в 1955 г. — свыше 48 проц. Рабочий прикреплялся к мастеру, бригадиру или наиболее квалифицированному и опытному рабочему, который помогал ему освоить необходимые приемы работы и производственные навыки. Существовало также бригадное и курсовое обучение.

Бригадным методом за эти годы было обучено 17,5—22 проц. вновь подготовленных рабочих. Этот вид подготовки, как и теперь, был распространен в строительстве, в сборочных цехах машиностроительных заводов Башкирии и в нефтяной промышленности республики.

Курсовое обучение (с отрывом и без отрыва от производства) осуществлялось на специальных курсах, где готовились новые рабочие более сложных профессий (электро- и газосварщики, монтеры, кочегары, рабочие для обслуживания сложных машин и т. д.), для которых требовалась повышенная теоретическая подготовка. Кроме того, готовились бригадиры, мастера и нормировщики. В 1950 г. курсовым обучением было охвачено 43 проц. всех вновь подготовленных рабочих и в 1955 г. — 34,5 проц.⁵

Большую роль в обеспечении промышленных предприятий,строек и транспорта квалифицированными кадрами и в повышении культурно-технического уровня рабочего класса играли учебные заведения трудовых резервов. Ремесленные училища и школы ФЗО подготовили в годы четвертой пятилетки

36,5 тыс. и в годы пятой пятилетки — 23,9 тыс. квалифицированных рабочих⁶.

Быстрое развитие в послевоенные годы техники и совершенствование технологии производства требовали постоянного совершенствования производственной квалификации рабочих. Основная работа в этом направлении проводилась непосредственно на производстве. В годы четвертой пятилетки свыше 162 тыс. рабочих, занятых в народном хозяйстве Башкирской АССР, повысили свою производственную квалификацию. Из них свыше 104 тыс. — в промышленности, около 18 тыс. — на транспорте и связи и около 7 тыс. чел. — в строительстве. В годы пятой пятилетки численность рабочих, повысивших квалификацию, возросла до 241 тыс. чел., в том числе около 150 тыс. в промышленности, свыше 29 тыс. на транспорте и в связи, 18,5 тыс. в строительстве. Наибольшее распространение на предприятиях, стройках, транспорте и в других отраслях получили такие формы повышения квалификации рабочих, как стахановские школы (в 50-х годах школы передового опыта), курсы целевого назначения, производственно-технические курсы и курсы по овладению смежными профессиями. В промышленности Башкирской АССР в конце четвертой пятилетки около 32 проц. рабочих, повысивших свою квалификацию, обучались в школах по изучению передового производственного опыта (стахановские школы), 28,6 проц. — на курсах целевого назначения, 23,2 проц. — на производственно-технических курсах, 9 проц. обучившихся приобрели вторую специальность. Остальные были обучены в различных постоянно действующих школах и на курсах. Производственно-технические курсы организовались для повышения квалификационного разряда, а курсы целевого назначения — для изучения новой техники и технологических процессов, а также для усвоения рабочими минимума экономических знаний. В конце пятой пятилетки на производственно-технических курсах свыше 41 проц. всех промышленных рабочих повысили свою производственную квалификацию. На курсах целевого назначения было обучено 22,4 проц., в школах передового опыта — около 20 и на курсах по овладению вторыми профессиями — 8,0 проц. всех обученных промышленных рабочих.

В результате большой работы, проведенной в послевоенные годы по подготовке и повышению квалификации рабочих, на промышленных предприятиях Башкирии уменьшилось количество неквалифицированных и слабоквалифицированных и значительно увеличился удельный вес рабочих средней и высшей квалификации. Так, среди рабочих нефтедобывающей промышленности с 1948 по 1953 г. удельный вес неквалифицированных рабочих снизился с 2,3 до 0,2 проц. в общей численности рабочих-нефтяников, удельный вес рабочих с низкой квалификацией — с 32 до 29,2 проц., а с высшей квали-

фикацией — возрос с 21,9 до 25 проц.⁷. С 1947 по 1953 г. удельный вес нефтелереработчиков с низкой квалификацией снизился с 34 до 32 проц., а с высшей возрос с 22 до 30⁸. На станкостроительном заводе им. В. И. Ленина с 1945 по 1953 г. удельный вес рабочих с низкой квалификацией сократился с 39 до 32,7 проц., а со средней — возрос с 46,5 до 47 проц. и высшей — с 13,6 до 20,3. И если в 1945 г. 0,9 проц. рабочих были неквалифицированными, то в 1953 г. их не стало вообще⁹. То же самое происходило и на других промышленных предприятиях Башкирской АССР. Заметно повысился культурный и общеобразовательный уровень рабочих.

¹ Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР. Статистический сборник. Уфа, 1959, стр. 121.

² ЦГА БАССР, ф. 30, оп. 1, д. 41, л. 5.

³ Там же, ф. 472, оп. 6, д. 895, л. 20; д. 312, л. 59; д. 972, л. 91; д. 1088, л. 101; д. 1416, л. 54.

⁴ Подсчитано на основе данных: ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 3, д. 1630, лл. 141, 145, 146, 148; д. 2539, лл. 14, 29; д. 2855, л. 5, 16; д. 3238, лл. 69, 76; ЦГА БАССР, ф. 472, оп. 6, д. 891, лл. 2—10; д. 1754, лл. 17—34; 44—53. Текущий архив сектора труда ЦСУ БАССР, д. «Сводный отчет по подготовке и повышению квалификации за 1953 г.», лл. 15—26; ЦГА БАССР ф. 472, оп. 9, д. 1054, лл. 18—35.

⁵ ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 3, д. 3238, л. 69; ЦГА БАССР, ф. 472, оп. 9, д. 1054, лл. 18—26.

⁶ Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР. Статистический сборник, 1959, стр. 125.

⁷ ЦГА БАССР, ф. 472, оп. 6, д. 1110, л. 10—17; д. 2099, л. 85.

⁸ Там же, д. 41, л. 130; д. 2102, л. 204.

⁹ Там же, д. 895, л. 62; д. 2096, л. 211.

Л. А. Ваганова

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА БАШКИРИИ В 1921—1928 гг.

1. Действия белогвардейцев на территории Башкирии в период гражданской войны и голод 1921—1922 гг. вызвали громадную разруху в крае. Большинство предприятий было выведено из строя. Сельское хозяйство переживало глубокий кризис. Не хватало продовольствия, предметов первой необходимости. Все это привело к резкому сокращению численности рабочих, часть которых уходила в деревню, деклассировалась.

Ликвидация последствий голода и улучшение экономического положения страны в целом позволили приступить к восстановительным работам в промышленности Башкирии. В 1923/24 и 1924/25 хозяйственных годах было восстановлено 38 предприятий цензовой промышленности, в том числе Баймакский медеплавильный завод. В последующие два года республика достигла довоенного уровня промышленного производства. Этот процесс сопровождался восстановлением кадров рабочих, осуществлялись первые шаги по улучшению их жизненного уровня. В данном сообщении нами сделана попытка рассмотреть лишь некоторые вопросы весьма сложной и малоразработанной проблемы о материальном положении рабочего класса Башкирии в 1921—1928 гг.

2. В ходе восстановления народного хозяйства Советское правительство принимало меры по упорядочению денежной системы. Это позволило перейти от натуральной формы оплаты труда рабочих, являвшейся оправданной в период военного коммунизма и первые годы нэпа, к денежной. Создавались условия для повышения покупательной способности светского рубля, последовательного роста реальных доходов рабочей семьи. Так, с 1923 по 1926 г. среднемесячная зарплата рабочего в цензовой промышленности Башкирии возросла на 27,6 проц. По отдельным же отраслям производства это повышение шло еще

быстрее: в железнодорожных мастерских (Уфа) за те же годы оно составило 38 проц., на металлургических предприятиях — 34¹. Такие резкие колебания в росте зарплаты объяснялись крайне неравномерным развитием самой промышленности. Наиболее быстрое повышение зарплаты в основном наблюдалось в тех отраслях производства, где восстановительные работы шли интенсивнее.

Важным средством повышения реальной зарплаты рабочих, которая значительно отставала от роста номинальной, являлось регулирование оплаты труда, снижение цен на основные предметы потребления и продукты питания, а также рабочая кооперация. В условиях неурожая 1921—1922 гг. в Башкирии были организованы 5 рабочих кооперативов (металлистов, кожевников, деревообделочников, железнодорожников, водников), которые осуществили крупные обменные операции предметов промышленного производства в Сибири и других районах страны. По неполным данным, кооперативы в порядке обмена получили 100 вагонов хлеба. Когда в 1923—1925 гг. из-за отсутствия денег рабочим выдавалась зарплата в виде продукции своего производства, кооперативы помогали ее реализовывать. Кроме того, они продавали и отпускали в кредит членам кооперативов продукты питания и различные товары со скидкой 5—10, а иногда 10—15 проц. Это имело не только экономическое, но и известное политическое значение, так как рабочему теперь не было необходимости обращаться за помощью к непману.

По мере восстановления народного хозяйства республики возрастало значение зарплаты, становившейся постепенно основным источником дохода. Из материалов бюджетного обследования рабочих г. Уфы в 1923 г. видно, что заработок главы семьи составлял 59,2 проц. в приходной части бюджета. Кроме того, известную роль в доходах семьи играли также поступления с подсобных хозяйств и отчасти приработка. В 1926 г. заработок главы семьи в бюджете составлял уже 71,2 проц., а поступления от подсобных хозяйств и приработков сократились с 14 до 8,7 проц. Увеличение за это же время пособий при временной утрате трудоспособности в бюджете составляло 1,6 проц.

Изменились и расходы. Так, если в 1923 г. на приобретение продуктов питания тратилось в среднем около 60, а на одежду — 23,2 проц. семейного бюджета, то в 1926 г. — соответственно 45,8 и 19,4. Улучшилось и качество питания: росло потребление мяса, масла, яиц, при некотором сокращении растительных продуктов².

Снизилась плата за коммунальные услуги. В 1923 г. плата за отопление и освещение составляла в среднем 20,2 проц. бюджета семьи, а в 1926 г. — 11,6. Затраты на образование, отдых, лечение не составляли сколько-нибудь заметной вели-

чины в бюджете, ибо социалистическое государство взяло их в основном на себя. Расходы на культурно-социальные нужды с 1923 по 1928 г. увеличились почти в 5 раз.

3. В рассматриваемый период чрезвычайно остро стоял вопрос о жилищных условиях рабочих. Начиная с 1915 г. жилые дома не только вновь не строились, а наоборот, систематически разрушались.

В 1924 г. в Башкирии в среднем на душу населения (городского) приходилось жилой площади 4 кв. м, а по отдельным заводам и рабочим поселкам еще ниже — 1-2 кв. м. Следует иметь в виду, что жилье подавляющего большинства рабочих представляло собой ветхие дома без элементарных коммунальных удобств. В этих условиях, во-первых, были развернуты срочные работы по ремонту жилых домов, во-вторых, произведено частичное переселение рабочих в квартиры, принадлежавшие ранее буржуазии, и, в-третьих, сделаны первые, весьма скромные, шаги в деле строительства нового жилья. Серьезную роль в жилищном строительстве сыграло постановление ЦИК и СНК СССР. С 1924 по 1928 г. в Башкирии рабочие жилищные кооперативы выстроили и восстановили в общей сложности 50520 кв. м жилой площади³.

В деятельности партийных, советских и профсоюзных организаций республики большое место занимали и другие вопросы материального положения трудящихся. При городских исполкомах Советов, а также на отдельных предприятиях действовали комиссии по улучшению быта рабочих. Они изыскивали средства для остро нуждающихся, обеспечивали их огородами, следили за общественным питанием, занимались трудоустройством безработных и т. д. Уже в первые годы восстановительного периода в Уфе, Стерлитамаке были открыты новые и отремонтированы старые бани, создавались сапожные мастерские, прачечные, парикмахерские. Улучшалось водоснабжение городов и промышленных поселков, в Уфе был электрифицирован железнодорожный район, впервые зажглось электричество в квартирах рабочих Нижне-Троицкой суконной фабрики⁴ и т. д.

4. В 1921—1928 гг. произошло улучшение и медицинского обслуживания. В апреле 1924 г. при Наркомздраве БАССР было создано отделение рабочей медицины (Рабмед). По инициативе Рабмеда при многих крупных предприятиях открылись медпункты, налаживалось снабжение бесплатными медикаментами и т. д. В середине 20-х годов впервые медицинские учреждения Башкирии провели массовые обследования состояния здоровья и быта рабочих, а также начали планомерное наступление на социальные болезни (туберкулез, трахома и др.). В Уфе, Стерлитамаке, Белебее открылись первые диетические столовые и ночные санатории.

Принимались меры по облегчению и оздоровлению условий труда на предприятиях, устранению причин производственного травматизма и заболеваний. Этим целям служила регулярная выдача определенным категориям железнодорожников, горняков, металлистов спецодежды, а на вредных производствах и спецпитания. В 1922—1925 гг. в Башкирии были осуществлены первые шаги по запрещанию женского труда на особо тяжелых и вредных работах, а для подростков установлен сокращенный рабочий день. Неуклонно проводился в жизнь закон о ежегодном оплачиваемом отпуске. Число рабочих, получивших возможность отдохнуть в санаториях и домах отдыха, составило в 1924 г. 1209 чел., в 1925 г. — 1620, в 1926 г. — 2610 чел.⁵

¹ X лет Советской Башкирии (1919—1929). Уфа, 1929, стр. 218.

² Бюллетень БЦСУ, 1924, № 6, 7, стр. 14, 15; 1927, № 29, стр. 74, 75.

³ ЦГА БАСССР, ф. 202, оп. 1, д. 149, лл. 12—14; д. 151, л. 170; д. 177, л. 287; ф. 472, оп. 3, д. 100, лл. 153—155.

⁴ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 158, лл. 63—65; д. 179, л. 5, 49; д. 189, лл. 8, 9; д. 238, лл. 12, 13; ф. 107, оп. 1, д. 82, л. 67; д. 83, л. 26; ф. 202, оп. 1, д. 177, л. 4.

⁵ Там же, ф. 202, оп. 1, д. 177, л. 171, 252; д. 197, л. 723.

А. Н. Усманов

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ БАШКИРИИ ЗА СОЗЫВ III СЪЕЗДА ПАРТИИ И ВЫПОЛНЕНИЕ ЕГО РЕШЕНИЙ

1. Нарастающий подъем народной революции 1905—1907 гг. требовал от большевиков укрепления партии, четкого определения ее линии, так как в результате дезорганизаторской деятельности меньшевиков к началу революции РСДРП оказалась расколотой. Для решения этих чрезвычайно важных вопросов необходимо было созвать III съезд партии. Подготовка к съезду проходила в условиях острой борьбы с меньшевиками. Меньшевики, захватив руководящие органы партии, пытались сорвать созыв нового съезда. Однако, убедившись в невозможности этого, они решили созвать свой съезд в Женеве.

В предсъездовской борьбе большевиков с меньшевиками чрезвычайно важную роль сыграли местные социал-демократические комитеты, в том числе и уральские.

2. К началу революции 1905 г. Уфимская группа РСДРП входила в состав Уральского комитета партии. В январе 1905 г. было арестовано основное руководящее ядро Уральского комитета, а в январе — феврале часть руководителей Уфимской группы РСДРП. Уральские группы РСДРП оказались без руководящего центра, что существенно затруднило немедленный созыв предсъездовской областной конференции.

Связавшись с ленинским центром партии, вместе с социал-демократами всего Урала, большевики Башкирии развернули широкую агитацию за созыв III съезда партии. Социал-демократические группы Уфы, Екатеринбурга, Златоуста и Челябинска взяли на себя инициативу созыва областной конференции и восстановления Уральского центра РСДРП. Конференция состоялась в начале марта 1905 г.; она образовала Уральский союз РСДРП, куда вошли местные комитеты: Уфимский, Златоустовский, Екатеринбургский, Пермский и Вятский. Были приняты устав Союза, резолюции за созыв

III съезда партии, а также избран делегат на съезд — представитель Уфимского комитета В. Ю. Фридолин (Дашин). Конференция подвергла решительной критике соглашательский центральный комитет, избранный II съездом РСДРП, за его беспомощность и бездействие.

Таким образом, несмотря на раскольническую и подрывную работу меньшевиков, многие комитеты РСДРП, в том числе Уфимский, решительно высказались за созыв III съезда партии и деятельно готовились к нему.

3. III съезд РСДРП, проходивший в апреле 1905 г. в Лондоне, означал важную победу большевиков над меньшевиками. На нем присутствовало 38 делегатов от 20 большевистских комитетов. Меньшевики отказались от участия в работе съезда, а свой съезд, созванный в Женеве, ввиду малочисленности делегатов, назвали конференцией.

В. И. Ленин писал, что III съезд РСДРП «...должен открыть собой новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения»¹. На съезде были рассмотрены коренные вопросы резолюции и определены задачи пролетариата, как ее авангарда. Съезд обсудил вопросы о вооруженном восстании, об отношении к тактике правительства накануне переворота, о временном революционном правительстве, о крестьянском движении, об отколовшейся части партии (меньшевиках) и др. Было принято решение «О пропаганде и агитации», в котором подчеркивалась необходимость издания пропагандистской и агитационной литературы на родном языке для нерусских народов страны.

4. Большевики Башкирии последовательно отстаивали ленинскую стратегию и тактику и стремились осуществлять их в ходе революции. Представитель Уфимского комитета РСДРП В. Ю. Фридолин через Н. К. Крупскую наладил связь с В. И. Лениным, с Центральным комитетом партии, избранным на III съезде, и газетой «Пролетарий». Вернувшись из Лондона, В. Ю. Фридолин неоднократно выступал с отчетом о работе III съезда РСДРП. Несмотря на попытки участника женевской меньшевистской конференции В. Хаустова оказать влияние на Уфимскую организацию, социал-демократы Башкирии выразили полную солидарность с решениями III съезда и заявили о безоговорочной поддержке ЦК, избранного съездом. В резолюции, принятой 18 мая 1905 г., говорится: «Группа ответственных работников Уфы, признавая съезд третьим съездом партии, присоединяется к выработанным на нем резолюциям, подчиняется новому Уставу партии...»². Вместе с тем Уфимский комитет порвал связь с Восточным бюро ЦК РСДРП, находящимся в Самаре, так как оно после III съезда партии перешло в руки меньшевиков³.

5. Выполняя решения III съезда партии, большевикам Башкирии приходилось вести борьбу не только с меньшевика-

ми, но и примиренцами, появившимися внутри Уфимского комитета РСДРП. В период революции 1905—1907 гг. в Башкирии не было меньшевистских организаций. Уфимский, Златоустовский, Миньярский и другие комитеты и группы были большевистскими, но в их состав временам входили и меньшевики. Так было в Уфе после III съезда партии: комитет некоторое время объединял большевиков и меньшевиков. В этот период среди определенной части руководителей комитета появилась тенденция к безоговорочному объединению с меньшевиками.

Определяя свое отношение к III съезду и его решениям, руководители Уфимского комитета приняли три резолюции: 18 мая, 9 июня и в сентябре 1905 г. Во всех случаях они одобряли решения III съезда, но в резолюциях, особенно от 9 июня, проводится идея о целесообразности безоговорочного объединения с меньшевиками. Необходимость такого объединения ими мотивировалась тем, что меньшевики якобы освободились «от оппортунистических веяний» и тем, что руководители Уфимского комитета не видят «в резолюциях конференции меньшинства принципиальных отличий от резолюции III съезда по самым крупным вопросам революционной практики»⁴. Большевики в то время не закрывали двери партии перед меньшевиками, но ставили перед ними определенные условия. В резолюции III съезда «Об отколовшейся части партии» — меньшевиках — было сказано, что их «участие в партийных организациях... допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный Устав, всецело подчинялись партийной дисциплине»⁵. Уфимский комитет таких условий перед меньшевиками не ставил, допуская тем самым серьезную политическую ошибку.

6. Уфимский комитет и другие социал-демократические группы и кружки Башкирии энергично пропагандировали решения III съезда РСДРП. Число социал-демократических кружков резко увеличилось. Серьезным успехом Уфимского комитета явилась организация нелегальной партийной типографии, где массовым тиражом печатались листовки и прокламации, а в последствии и газеты.

После III съезда в Уфимский комитет РСДРП входили: Уфимская группа, рабочий центр и интеллигентская периферия. Самая мощная организация, на которую опирался комитет, состояла из рабочих Уфимских ж.-д. мастерских и депо. Кроме Уфы, социал-демократические организации существовали в Златоусте, при Миньярском, Симском, Катав-Ивановском, Юрюзанском, Усть-Катавском, Белорецком, Тирлянском заводах, а также в уездных городах — Бирске, Стерлитамаке, Мензелинске и Белебее.

7. Выполняя решения III съезда РСДРП, большевики Башкирии взяли курс на свержение самодержавия. В Уфе и на

Южном Урале под их руководством организовывались боевые силы пролетариата, призванные стать основной силой в период вооруженного восстания против царизма. В соответствии с решением III съезда партии большевики Башкирии готовили рабочие массы к всеобщей политической стачке, руководили рабочим движением. Уфимский комитет развернул пропагандистскую и агитационную работу среди крестьян, призывая их к активной борьбе против царизма и помещиков. Велась непримиримая борьба с эсерами, пытавшимися распространить свое влияние среди рабочих и крестьян, отвлечь их от массовой политической борьбы. Борясь за выполнение решений III съезда партии, большевики Башкирии добились больших успехов по руководству революционным движением в крае, особенно в период высшего подъема революции, осенью 1905 г.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 205.

² Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1965, стр. 465.

³ «Искра», 15 июня 1905 г.

⁴ «Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 г., вып. 3. М., 1924, стр. 150.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, 1954, стр. 81.

Х. Ф. Усманов

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. После отмены крепостного права капиталистические отношения быстро распространились на слабозаселенные южные и восточные окраины Европейской России. Туда устремились тысячи переселенцев из центральных и западных губерний. Родные места они покидали из-за малоземелья, усилившегося в результате ограбления крестьян дворянами при освобождении от крепостной зависимости, естественного роста населения и сосредоточения наделных земель в руках сельской буржуазии. Царское правительство, стремясь удержать для помещиков старых земледельческих районов дешевые рабочие руки, а также боясь массового передвижения населения, препятствовало переселению крестьян. Но несмотря на это, переселенческое движение с каждым годом росло.

Одним из основных районов притока переселенцев являлся Южный Урал. В заселении его были заинтересованы местные земледельцы, нуждавшиеся в рабочей силе, покупателях и арендаторах своих земель. Губернские власти поддерживали их и неоднократно обращались к царскому правительству с просьбами допустить свободное переселение крестьян в Оренбургскую и Уфумскую губ. Однако правительство не изменило свое отношение к переселениям. В то же время оно не отказывалось от колонизаторской политики на национальных окраинах. В этих целях было разрешено отводить казенные земли Южного Урала для поселения крестьян некоторых малоземельных разрядов. Но положение крестьян густонаселенных губерний было столь невыносимым, что они самовольно отправлялись на новые места. Особенно большой наплыв переселенцев в Уфимскую и Оренбургскую губ. происходил в 70—80-х годах. В связи с массовым расхищением башкирских земель помещики, купцы, чиновники приглашали к себе крестьян, чтобы продать им етриторога скупленные у башкир угодья.

Правительство, видя невозможность принудительного возвращения переселенцев в родные места, время от времени узаконивало проживание их в крае.

2. Со времени отмены крепостного права до 1897 г. в Уфимскую губ. переселилось 29474 крестьянских семьи (190944 души обоего пола)¹; в Оренбургской губ. в 1893 г. насчитывалось 23142 переселенческих семьи (125313 душ обоего пола)². Переселенцы оседали на казенных, арендованных и купленных землях. В Уфимской губ. в 1896 г. на купленных землях числилось 132914 душ (69,5 проц.), на арендованных — 41857 (21,8 проц.) и на казенных — 16173 (8,7 проц.) душ переселенцев³. В Оренбургской губ., по данным 1893 г., 52065 переселенцев (41,5 проц.) проживало в селениях старожилов, 73248 (58,3 проц.) — поселках, образованных самими переселенцами. Подробных сведений по первой группе крестьян нет; во второй же группе 53109 душ (72,5 проц.) устроились на арендованных, 12097 (16,5 проц.) — на купленных и 8042 (11,0 проц.) — на казенных землях⁴.

3. Первоначально правом водворения на казенные земли Южного Урала пользовались мастеровые, оставшиеся без работы после закрытия горных заводов и не получившие от землевладельцев установленного законом надела, безземельные помещичьи и удельные крестьяне, прибывшие по увольнительным свидетельствам, отставные и бессрочно-отпускные нижние чины⁵. В 1876 г. к ним прибавились бывшие помещичьи крестьяне-дарственники и государственные крестьяне, оставившие свое прежнее местожительство до выдачи владенных записей. Законами от 10 июля 1881 г. и 13 июня 1889 г. министрам внутренних дел и государственных имуществ было предоставлено право разрешать переселение крестьян и других разрядов, если «на то имелись действительные причины» и если казна располагала свободными земельными участками.

Казенные земли отводились переселенцам в Челябинском, Оренбургском и Белебеевском уездах. Дело это шло крайне неорганизованно. По указанию Министерства государственных имуществ переселенцам выделяли лишь малоценные участки, приносящие казне годовой доход не выше 35 коп. за десятину⁶. Многие крестьяне отказывались от них, предпочитая аренду башкирских, казачьих и частновладельческих земель. На казенных землях переселенцы были поставлены в различные условия. До 1884 г. им отводили по 15 дес. на наличную мужскую душу, а затем стали выделять по 5—7 дес.⁷ Крестьяне, водворившиеся до 80-х годов, получили казенную землю в бессрочное пользование. Законы же от 10 июля 1881 г. и 13 июня 1889 г. представляли землю во временное арендное содержание. Только по истечении 6—12-летнего арендного срока земля могла быть оставлена за переселенцами в бессрочное пользование.

Крестьяне, получившие отказ в водворении на казенных участках, а также не желавшие связать себя с неудобными землями, искали других путей. Многие из них обосновывались на арендованных частновладельческих и башкирских землях. Вначале помещики, чтобы привлечь крестьян, назначали им сравнительно легкие арендные условия. Затем требования усиливались, и переселенцы попадали в кабалу. Лишь незначительной части арендаторов удавалось наладить хозяйство и купить землю в собственность.

Башкирские земли сдавались в аренду в 3—4 раза дешевле частновладельческих. Но трудность состояла в том, что здесь крестьяне имели дело с обществом вотчинников, которые не всегда были единодушны при сдаче своих угодий в аренду. Чтобы склонить их к аренде, требовалась затрата известных средств на подкуп влиятельных башкир. Малосостоятельные крестьяне такой возможности не имели и шли к помещикам, с которыми можно было заключить сделку без предварительных расходов. Зажиточные же переселенцы не только не возражали против побочных затрат, а наоборот, всячески поощряли их, чтобы получить землю подешевле. И это им удавалось.

Арендованные земли в Уфимской губ. составляли в целом в 1897 г. 115705 дес., в том числе 83724 — башкирских, 28880 — частновладельческих и 3101 — удельных и казенных угодий. В Оренбургской губ. в 1893 г. в аренде у переселенцев, образовавших свои поселки, находилось 195 313 дес. земель, из которых 102 849 дес. принадлежало башкирам, 92464 — частным владельцам, казне и казачьему войску⁸.

Зажиточные переселенцы приобретали землю в собственность. В первое время покупались главным образом частновладельческие земли. Стремясь быстро и выгодно перепродать скупленные башкирские угодья, землевладельцы всячески заманивали переселенцев, даже и малосостоятельных, прельщая их рассрочкой в платежах. Цены при этом назначались значительно выше, но тем не менее крестьяне вступали в сделки, надеясь со временем наладить хозяйство и рассчитаться с долгами. Не все покупатели, однако, дожидались этого дня. Одни из них оказывались жертвой нечестных продавцов, а другие не могли своевременно вносить платежи, и затраты их оказывались напрасными. Башкирские земли продавались в несколько раз дешевле помещичьих. Но скупщики и местные власти не допускали непосредственных сделок крестьян с башкирами-вотчинниками. Приобретение переселенцами башкирских земель усилилось с 1882 г., когда правительство узаконило продажу их только казне и крестьянским обществам. Как башкирские, так и помещичьи земли приобретались в основном в Уфимской губ. Сведений о количестве всей купленной переселенцами земли нет. В обследованных в

1897 г. 408 переселенческих поселках губернии па 80830 душ переселенцев приходилось 241 781 дес. купленной земли, в том числе 175785 дес. частновладельческих и 65996 — башкирских. В Оренбургской губ. к 1894 г. переселенцы приобрели в собственности 49613 дес. земли⁹. Сравнительно малая покупка земли в Оренбургской губ. объяснялась медленностью размежевания башкирских дач, а также тем, что здесь башкирские угодья были расхищены в меньших размерах, чем в Уфимской губ.

4. Арендованные и купленные земли распределялись между переселенцами крайне неравномерно. Если казенные земли отводились по числу мужских душ, то при аренде и покупке земли основную роль играли экономические возможности крестьян. Обычно переселенцы арендовывали или покупали землю в составе товариществ или сельских обществ, в которых угодья распределялись между хозяйствами соответственно внесенным деньгам. В результате состоятельным крестьянам доставались крупные участки, а маломощные хозяйства довольствовались незначительными клочками земли.

Разумеется, далеко не все крестьяне, прибывшие на Южный Урал, могли устроиться. Из-за неорганизованности переселения, а также помещичьей кабалы многие переселенцы разорялись. Часть из них возвращалась на родину, а оставшиеся шли в помещичьи и кулацкие хозяйства в качестве наемной рабочей силы. Например, в 1886 г. из учтенных 35792 переселенцев Оренбургской губ. 34,6 проц. находились в работниках, 21,3 — занимались разными ремеслами, лишь 36,1 вели самостоятельное земледельческое хозяйство и 8 проц. занимались торговлей¹⁰.

5. В пореформенный период в сельском хозяйстве края произошли значительные сдвиги. В Уфимской губ. за 1878—1897 гг. посевные площади увеличились с 824,5 тыс. дес. до 1557,8; в Оренбургской губ. посевные площади расширились с 1397,1 тыс. в 1881 г. до 1554,2 тыс. дес. в 1893 г.¹¹. Росло производство товарного хлеба, который шел в промышленные центры и за пределы страны. Указанные сдвиги прежде всего были результатом проникновения капиталистических отношений в деревню и заслугой местного крестьянского населения. Но немалую роль в этом сыграли и переселенцы, вложившие много труда в развитие земледелия. Коренные жители перенимали у них опыт более культурного хлебопашества, учились применять в хозяйстве усовершенствованные земледельческие орудия. Все это было положительным явлением. Однако нельзя не отметить и то, что на крестьянской колонизации наживались помещики, купцы и чиновники. С одной стороны, они расхищали башкирские земли, а с другой, — грабили переселенцев, продавая или сдавая им в аренду по высоким ценам купленные у башкир угодья.

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии, т. 7, ч. 1. Уфа, 1901, стр. 169.

² Обзор Оренбургской губернии за 1894 год, стр. 30.

³ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии, стр. 166, 167.

⁴ Обзор Оренбургской губернии за 1894 г., стр. 31, 32.

⁵ ГАОО, ф. 6, оп. 8, д. 190, лл. 14, 135; ф. 13, оп. 1, д. 62, л. 6;

⁶ Там же, л. 2.

⁷ Там же, д. 14494, л. 191.

⁸ В. А. Абрютин. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1897; В. Михайлов. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898; В. Михайлов. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1897; В. Михайлов. Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1898; В. Михайлов. Переселенцы и переселенческое дело в Златоустовском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898; Обзор Оренбургской губернии за 1894 год.

⁹ Там же.

¹⁰ «Оренбургский листок», 7 февраля 1888 г.

¹¹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2. Уфа, 1959, стр. 192.

Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕННОСТИ БАШКИР В XVIII—XIX ВВ *

1. Вопрос о численности башкирского населения в разные исторические периоды является сложным и запутанным. Первые всеобщей переписи башкиры подверглись в 1897 г. До этого времени численность башкир определялась по данным ревизий (их было всего 10), административно-полицейского учета или различных переписей, которые ставили частные задачи (подворные переписи крестьянских хозяйств, различные статистические обзоры и т. п.). Совершенно естественно, что учеты численности населения в XVIII—XIX вв., проводившиеся с различными целями и разными методами, давали результаты, часто искажающие действительную картину. После Октябрьской революции переписи проводились в 1920, 1926, 1939 и 1959 гг., причем последние три переписи были всеобщими. Однако данные всеобщей переписи 1897 г. и, например, 1939 г. довольно резко расходятся: по переписи 1897 г. башкир в стране было 1311 тыс. чел., а 1939 г.— 843 тыс. Резкие расхождения в результатах переписей, некритически использованные авторами различных книг и брошюр, породили путаницу и разногласия в оценке численности башкирского населения.

В настоящее время необходимо провести специальное исследование этого вопроса. При этом нужно иметь в виду, что определение численности башкирского населения в XVIII—XIX вв. тесно связано с земельными отношениями в Башкирии и характером этнических взаимодействий башкир с пришлым населением. С другой стороны, даже тщательный анализ результатов только одной переписи не в состоянии дать пра-

* Настоящие тезисы были обсуждены на заседании ученого совета Института 4 марта с. г. и вызвали острую дискуссию. Учитывая сложность и слабую разработанность вопроса о численности башкир в дооктябрьский период, а также наличие разных точек зрения, оргкомитет сессии решил опубликовать эти тезисы для дальнейшего обсуждения.

вильное представление о численности населения. Для получения объективных данных необходимо проследить динамику численности башкирского населения за 150—200 лет. Сведения, которыми мы располагаем, позволяют построить такую динамику в предварительном плане, оставляя тщательное исследование этого вопроса на ближайшее будущее.

2. Численность башкир в XVIII в. можно определить ориентировочно, анализируя данные III и IV ревизий (1762 и 1782 гг.), подворные переписные материалы Кунгурского бургомистра Юхнева (1725—1726 гг.), многочисленные косвенные сведения, извлеченные из архивов и частично опубликованные в «Материалах по истории Башкирской АССР». Несмотря на то, что эти цифры мы называем «ориентировочными», совпадение сведений различных источников позволяет утверждать, что в приводимых ниже данных ошибки не превышают ± 20 тыс. чел., что не должно существенно исказить объективную картину:

а) в 1730—1740 гг. численность башкир составляла 200—250 тыс. чел.¹;

б) в 1750—1760 гг. — около 230 тыс.²;

в) в 1780-х годах — около 250 тыс.³.

3. В XIX в., вплоть до всеобщей переписи 1897 г., оценки численности башкир опирались на учет мужских душ во время ревизий или подворные переписи, которые проводились местной администрацией. Нижеприведенные оценки численности башкирского населения в XIX в. сделаны с учетом всех этих особенностей, с привлечением дополнительных архивных материалов, позволяющих уточнить официальные данные:

а) в 1815—1817 гг. (данные 7-й ревизии) башкир-вотчинников было 259 тыс. чел.⁴. Однако здесь не учтена та часть башкирского населения, которая не имела вотчинного права на землю и волилась в состав припущенников. Численность этой группы башкир составляла примерно 50 тыс. чел.;

б) в 1850 г. (данные 9-й ревизии) — 478 тыс. чел. (учтено все башкирское население)⁵;

в) в 1857 г. (данные 10-й ревизии) всего башкир — 544 тыс. чел.⁶, а башкир-вотчинников — 407 тыс., следовательно, примерно 135 тыс. не имели вотчинных прав⁷;

г) в 1862 г. — общая численность определялась в 563 тыс. чел.⁸;

д) в 1896—1900 гг. — около 640 тыс. башкир-вотчинников⁹. С учетом примерно 200 тыс. башкир, не имевших вотчинных прав, численность башкирского населения в эти годы приближалась к 850 тыс.

4. В свете приведенных выше данных правильность результатов всеобщей переписи 1897 г. становится сомнительной. Согласно переписи 1897 г. башкир в Уфимской, Оренбургской, Пермской, Вятской и Самарской губ. было 1311 017 чел.¹⁰.

Уже в трудах видных ученых начала XX в. результаты переписи 1897 г. были поставлены под сомнение, так как численность населения России оказалась преувеличенной¹¹. Что касается численности башкир, то данные переписи 1897 г. требуют еще более осторожного подхода, так как в связи с нечеткой разработанностью методики переписи, а также сложностью этнических процессов в Башкирии значительное число тептярей и мишарей было включено в состав башкир. Это иллюстрируется следующей таблицей:

Год	Численность башкир	Численность тептярей, мишарей и татар		
		в том числе		
		тептярей	мишарей	татар
1850	478555	260497	110796	—
1857	544843	304237	132319	—
1862	563413	230885	143374	9331
1897	1311017	56832	25855	243949

В данных 1850, 1857 гг. татары не учтены, а по данным 1862 г. их числится всего 9331 чел., хотя в действительности в это время численность татар в Оренбургской и Уфимской губ. приближалась к численности башкир и к 1897 г. составляла не менее 550—600 тыс. чел. (по данным подворной переписи 1912—1913 гг. татар в Уфимской губернии было 623902 чел.¹²). Перепись 1897 г. учла на территории расселения башкир около 360 тыс. татар (в том числе тептярей и мишарей), следовательно, около 200—250 тыс. татар (главным образом тептяри и мишари) учтены в составе башкир. Так, в 1857 г. тептярей было 304237, в 1897 г. их «стало» 56832; такое резкое уменьшение объясняется тем, что большая часть тептярей причислялась к башкирам. Мишарей в 1862 г. было 143374, а в 1897 г. их «стало» 25855. В целом перепись 1897 г. исказила действительную численность башкирского населения примерно на 400—500 тыс. чел. Численность башкир в конце XIX в. составляла примерно 850 тыс., что в целом совпадает с приведенными выше данными.

5. Переписи 1926, 1939 и 1959 гг. опирались на четко разработанную методику, поэтому их результаты объективно отражают демографическую характеристику БАССР и сопредельных областей. Важно и то, что новые социально-экономические отношения создали условия для совершенно свободного самоопределения национальной принадлежности.

По данным переписи 1926 г., башкир насчитывалось при-

мерно 714 тыс. чел., по переписи 1939 г. — 843 тыс., а 1959 г. — 989 тыс. чел.

6. Если свести в единую таблицу вышеприведенные данные, то складывается следующая динамика численности башкирского населения с XVIII до середины XX в.

Годы	Численность башкир (в тыс.)
1730—1740	200—250
1750—1760	около 230
1780-е годы	около 250
1815—1817	259 (без башкир, не имевших вотчинного права, которые составляли около 50 тыс. чел., следовательно, в указанные годы число их составляло примерно 300 тыс. чел.)
1850	478
1857	544
1862	563
1896—1900	850
1926	714
1939	843
1959	989

Нам кажется, что эта таблица, синтезируя известные на сегодняшний день данные за последние 200 лет, в общем правильно отражает динамику численности башкир, хотя дальнейшее изучение демографии башкирского населения с привлечением более широкого круга источников может внести в нее некоторые коррективы и уточнения.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 3, стр. 485.

² Государственная библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 222, кн. XII, л. 59.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, стр. 680.

⁴ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 6, оп. 6, д. 13923/17, лл. 5—18.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 255, лл. 84—108. Отчет командующего башкирским войском.

⁶ Там же.

⁷ Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач. СПб., 1899, стр. 121.

⁸ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12025, л. 89. Отчет о состоянии башкирского войска.

⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии, т. 7, ч. 1. Уфа, 1901, стр. 162; ГАОО, ф. 15, д. 43/1, л. 2.

¹⁰ Первая всеобщая перепись 1897 г., т. 28, стр. 7; т. 14, стр. 10; т. 10, стр. 89; т. 36, стр. 58.

¹¹ А. Г. Рашинов. Население России за 100 лет. М., 1956, стр. 49.

¹² Крестьянское хозяйство Уфимской губернии: Подворная перепись 1912—1913 гг. Уфа, 1914, стр. 254, 255.

БАШКИРСКИЕ КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. И РАЙОНЫ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

1. Общий для всех башкир традиционный стиль, сходный в общих чертах состав основных элементов, одинаковый покррой позволяют говорить о существовании единого башкирского костюма. В то же время башкирская одежда имеет много локальных особенностей. Картографирование основных признаков костюма показывает территорию их распространения. Одни из них (материал, виды одежды), раньше связанные с определенными этническими общностями, вследствие длительных контактов распространились на значительные, сходные в природном и хозяйственном отношении зоны; другие (женские головные уборы, особенно украшения) — стойкие показатели племенной принадлежности в прошлом и в силу этого наиболее консервативные в своем развитии — встречаются лишь на небольшой территории.

2. Общий анализ, сопоставление всех признаков одежды (материала, видов нижней и верхней одежды, обуви, головных уборов, украшений) дало возможность выделить 7 основных костюмных комплексов, каждый из которых характерен для определенного района (те элементы, которые появились на территории того или иного района на протяжении XIX в. и не успели к концу века занять прочное положение в комплексе одежды, хотя и нашли отражение в картах, при выделении районов во внимание не принимались).

3. Общая характеристика комплексов и территория их распространения:

а) Юго-восточный комплекс. Распространен на юго-востоке БАССР и в прилегающих районах Оренбургской области. Западной границей является 56 параллель, северной — линия Ишимбай—Верхнеуральск. В прошлом характерно применение белого и гладкоокрашенного холста и одноцветных покупных тканей. Повседневная верхняя одежда — *кэзэки*, празд-

ничная — халат *елэн* и суконный *сәкмән*. Обувь — сапоги, башмаки (*ката*). Головные уборы мужчин — меховые шапки (*кәпәс, корайыш*), малахаи (*колаксын*), женщин — платки, тканые шали; традиционный убор замужних женщин — коралловый *кашмау*, старух — белый полотенцеобразный *тағтар*. Распространены массивные украшения из кораллов, бисера, металлических блях: у взрослых женщин — нагрудники *селтәр* (из плотно зашигого кораллами верха и нашитой на ткань коралловой сетки, заканчивающейся бахромой), у девушек — *алмаизеу* (длинные подвески на матерчатой основе). Полуовальное затылочное украшение (*елкәлек, елкәмес*) сочеталось с косниками — шерстяными нитями с кораллами и бусами (*сәсмәу*) или тесьмой с монетами (*үрмес*).

б) Северо-западный комплекс. Характерен для между-речья Белой и Уфы, бассейна рек Сюнь, Чермасан и Карма-сан, а также р. Ик. Была распространена пестротканая и браная одежда (платья, рубахи, штаны). Обязательной принадлежностью костюма являлась безрукавка; женщины носили фартук. Верхней одеждой пожилых был *бишмәт*, молодых — холщовый халат *сыба*. Одежда из сукна встречалась редко и только у мужчин. Мужскими головными уборами служили войлочные шляпы, меховые шапки (*бүрек*), женскими — колпачки, платки, тканевые шали; в прошлом девушки и молодые женщины носили шапочку (*такья*), обшитую монетами, пожилые — белое покрывало (*кыйыкча*). До революции были распространены ожерелья из монет (*һырга, муйса*), перевязь (*хәситә, хәйкә*), косник с подвесками из монет и ажурных блях (*сулпы, сәс таңкә*); девушки и молодые женщины косу прикрывали полосой ткани (*сәскап*) с нашитыми монетами и подвесками.

в) Юго-западный комплекс. Охватывает бассейн р. Демы и левобережье Белой (от устья Нугуша до Уфы). Основу одежды составляют элементы, близкие к юго-восточным; к ним в некоторой мере примешаны северо-западные. В то же время много своеобразного.

Платья, рубахи шили как из однотонного холста, так и из пестроткани. Основная верхняя одежда — *елэн*, пожилые иногда надевали бешметы. Как и на юго-востоке, мужчины и женщины носили чекмени. Головными уборами были шапки, малахаи — у мужчин, платки, шали, *кашмау* и *тағтар* — у женщин. Обувью служили кожаные туфли (*ката*), у женщин — украшенные цветной кожей, шерстяными кистями. В прошлом было распространено нагрудное украшение (*сакал*) в виде полуовальной ткани, зашитой по краю кораллами, в середине — монетами, жетонами, бляхами; его носили с широким наспинником (*сәскап*), скрепляя их на плечах. Праздничным украшением девушек была налобная повязка с монетами

(*кизерма, маңлайса*), к ней прикрепляли косоплетку с монетами (*сәс үргес*).

г) Самаро-иргизский комплекс. Одежда башкир по течению рек Самара, Большой Иргиз и их притоков. Особенности местного костюма объясняются историей формирования этой башкирской группы. Будучи переселенцами с юга Башкирии, они соединили в своем быту элементы культуры юго-восточного и юго-западного районов. Верхней одеждой мужчин здесь был кафтан *кәзәки*; женщины в будни и в праздники (как в бассейне Демы) надевали *елән*. Основной обувью были кожаные башмаки. Головные уборы напоминали южнобашкирские. Своеобразие костюма этих мест заключалось в украшениях: пониже нагрудника *сакал* часто надевали *селтәр*; эти два различного происхождения нагрудника стали здесь составными частями одного большого украшения. Девушки прикрепляли к основанию косы *елкәлек*, в отличие от юго-восточного — треугольной формы. Вместе с ним носили налобную повязку, похожую на демскую.

д) Северо-восточный комплекс. Включает костюм северо-востока БАССР и прилегающих с севера районов Свердловской и Челябинской областей. В нем много общего с северо-западом: распространены платя и рубахи из пестроткани и браного холста, фартуки и безрукавки; верхней одеждой был *бишмәт*; некоторое сходство обнаруживается в головных уборах, обуви. Однако общие с северо-западом черты не преобладают. В отличие от северо-запада, здесь были распространены туфли (*ката*), кожаная и меховая обувь с небольшим холщовым верхом (*бышымлы ката, бышымлы кыйырак*). Женским убором служило красное покрывало (*кушъяулык*); пожилые носили шапочки *тупый*; богатые надевали меховые шапки (*камсат бүрек*). Существовали налобные повязки с бахромой (*каш ука*). Изредка встречались ожерелья из монет, но чаще носили небольшой зашитый деньгами нагрудник *муйынса*.

е) Центральный комплекс. Одежда бассейна рек Сим и Инзер и правобережья Белой (до г. Ишимбая). Много общего, с одной стороны, с костюмом южных башкир (в том числе демских), с другой — с северо-востоком. Натальную одежду шили из гладкого холста. Верхней одеждой обычно служил *елән*, но иногда пожилые надевали бешмет. Головным убором молодых женщин был *кушъяулык*, в среднем возрасте надевали изредка — *кашмау*, старухи повязывали белый *тастар*. Наиболее оригинальна обувь этих мест: кожаные башмаки (*ката*) с суконным верхом, украшенным цветными полосками. Нагрудник (*накал*) формой повторял то демский (в устье рек), то юго-восточный. Жосники — шнурок с монетами (*каралык* или *сәсмәү*) и плетеная тесьма с кистями; последняя составляла с назатыльником (*елкәлек*) одно украшение.

ж) Восточный комплекс. Одежда башкирского населения Учалинского района БАССР, Челябинской и Курганской областей. История связывает территорию обитания челябинских и курганских башкир до переселения их в Зауралье, с одной стороны, с бассейном р. Ай, с другой — с горными районами Башкирии. В одежде черты, общие то с северо-восточным, то центральным и юго-восточным комплексами, перемежаясь, дополняются местными особенностями. Горничная и нательная одежда (платья, камзолы, фартуки) в большей степени близка северо-восточной, верхняя — юго-восточной. Как на Ае и в Центральной Башкирии, женщины здесь носят покрывало (*кушъяулык*), меховую шапку (*кама бүрек*); старухи — платок или *тастар*, повторяя тем самым обычаи юга Башкирии. Под платок повязывают головные повязки (*баш бейземес*). Характерная обувь — сапоги (*сарык и ката*) с высокими сукоными голенищами, богато расшитыми аппликацией. Трапецевидный нагрудник (*яга*) из кораллов и монет в прошлом здесь носили с наспинником (*инһәлек*). Были распространены также перевязи (*эмәйзек*), коралловые ожерелья. Косники сходны с юго-восточными.

4. В костюмных комплексах башкир нашли отражение, с одной стороны, сложные этногенетические процессы, в которых в конце I — начале II тысячелетия принимали участие различные по происхождению племена и народы, с другой — особенности последующего историко-хозяйственного развития различных частей Башкирии.

Политическая и экономическая обособленность башкирских племенных союзов в начале II тысячелетия в некоторой степени способствовала сложению культурных комплексов на их территории. Но из-за недолговечности этих объединений, из-за большой самостоятельности отдельных родов и племен, местные культурные особенности не смогли перевариться и нивелироваться — это и объясняет существующую в XIX в. пестроту в одежде в пределах этнорайонов, что значительно затрудняет выделение комплексов. Четких границ между комплексами нет. Лишь два из них, юго-восточный и северо-западный, крайне удаленные друг от друга, сформировавшиеся в различных природно-хозяйственных условиях, — наиболее своеобразны, в большой степени отличны друг от друга. Остальные, хотя и имеют свою специфику, как правило, включают черты соседних. Причем самаро-иргизский и в какой-то мере восточный, образовавшиеся позднее, являются непосредственным соединением элементов костюма тех территорий, с которыми связано их происхождение.

5. С ослаблением племенной, а затем и родовой замкнутости, происходивших на протяжении средневековья и особенно в новое время, в связи с втягиванием Башкирии в сферу торговли и капиталистического производства, наметилось сгла-

живание различий в культуре исторически образовавшихся этнографических групп. Еще до Октябрьской революции получил толчок процесс национальной консолидации башкир. В одежде начал складываться комплекс, в целом общий для всех башкир. Различия в костюме начала XX в. касались лишь отдельных элементов, деталей.

Последующий, советский период явился временем дальнейших общих преобразований народной одежды башкир; в результате местные особенности стали играть в ней еще менее заметную роль.

Р. Г. Кузеев

К УСТАНОВЛЕНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ БАШКИРИИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРЬЮ

(по данным шежере, исторических преданий и легенд)

1. Изучение этнической истории башкир требует существенного расширения круга привлекаемых источников. Определяется это тем, что в силу ряда специфических особенностей этногенеза башкир (расположение Башкирии на стыке нескольких этнокультурных зон, трудность выделения археологической культуры ранних башкир-кочевников, этническая неопределенность термина «башкорт» в арабо-персидских и западно-европейских средневековых источниках и др.) в настоящее время даже вся совокупность накопленных материалов не позволяет с необходимой полнотой осветить различные аспекты этой проблемы. Некоторые новые перспективы в изучении этнической истории башкир открываются в связи с привлечением таких источников, как шежере, исторические предания и легенды. Интерес к ним возник еще в конце XIX— начале XX вв.: в сочинениях М. Уметбаева, М. Рамзи, Б. Юлуева, Х. Гата, Р. Г. Игнатьева, М. В. Лоссиевского, Д. Соколова, П. Небольсина, Д. Нефедова и других¹. При описании различных моментов древней и средневековой истории башкир довольно широко используются народные предания, легенды и шежере. Уровень критического анализа источников этого типа в трудах упомянутых ученых был в целом невысок, но ими был впервые введен в научный оборот ряд интересных рукописных и устных памятников по истории башкир. СобираТЕЛЬСкая работа позднее была возобновлена усилиями ученых-краеведов С. Мирасова, Г. Вильданова, М. Касьянова², хотя значительная часть накопленного ими материала осталась неопубликованной и в большинстве утерянной.

В исторических и филологических исследованиях (как в прошлом, так и в настоящее время) шежере, предания, леген-

ды плодотворно использованы при разработке в основном вопросов политической истории и истории культуры башкир в эпоху позднего средневековья³. В связи с этим в научной литературе постепенно складывается мнение, что дальнейшее изучение шежере, преданий, легенд перспективно главным образом с точки зрения воссоздания картин политической и, отчасти, социально-экономической и культурной истории башкирского народа. Однако текстологические и историко-этнографические исследования последних лет по тюркским народам⁴ убедительно показали возможность широкого использования указанных источников в этногенетических построениях. А на фоне чрезвычайной бедности источников по истории Башкирии до XVI в. шежере, исторические предания и легенды иногда являются единственной основой для изучения некоторых этнических вопросов эпохи средневековья.

2. В 1960 г. из известных тогда 60 шежере было отобрано и опубликовано 25⁵. В 1960—1965 гг. найдено 12 новых шежере: племен и родов кувакан, ай, мурзалар, тырнаклы, кыпсак, тамьян, табын, байляр, буляр⁶. Таким образом, в настоящее время в Уфимском ИИЯЛ накоплено более 70 шежере южных, восточных и, частично, западных башкир. Пока неизвестны шежере северных башкир, в частности родоплеменных групп катаяй, сальют, сызгы, кошсы, балыксы, гайна, уран таз и др.

Исторические предания и легенды башкир разбросаны в изданиях XIX — начала XX вв. Большинство этих публикаций предпринято без соблюдения научных принципов издания источников такого рода, что, естественно, снижает возможности их использования. Многочисленные предания и легенды собраны в 30-х годах и хранятся в фольклорном фонде научного архива Уфимского ИИЯЛ (например, легенды к историческим песням Урал, Зайятуляк, Сынграу торна, Конгор буга, Акбузат, Ир Тахир, Мур-ат, Балакарга и др.)⁷. Особую ценность представляют предания и легенды, собранные в последнее десятилетие этнографическими и фольклорными экспедициями Института. Систематизация накопленного за весь предшествующий период материала и издание башкирских исторических преданий и легенд имели бы серьезное научное значение.

В шежере, преданиях и легендах башкирских племен усерган, тангаур, бурзян, ай, кошсы, кудей, тырнаклы, мин и некоторых табынских родов содержится рассказ о приходе их предков из Средней Азии. В качестве прежней родины эти источники указывают Приаралье, долину или низовья Сыр-Дарья, Башкортские горы близ Бухары, Бухару, Маверанахр, Прикаспийские (туркменские) степи, берега легендарного моря Мбуф (Аральское)⁸. По особенностям сюжета предания о переселении на родину подразделяются на три группы:

а) Племена усерган, тангаур и часть бурзян связывают свое первоначальное местопребывание до переселения на

Урал с нижним течением Сыр-Дарьи и северным Приаральем. Предание гласит, что, покинув Приаралье и низовья Сыр-Дарьи, предки башкир заблудились и, идя вслед за волком, тотемом-покровителем и путеводителем башкир, нашли свою новую родину, Уральские горы. Тотем волка занимал большое место в генеологической мифологии древних тюрков и монгол Центральной Азии и в тотемистических культах многих тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. В тюрко-монгольской мифологии волк выступает в качестве прародителя и покровителя всех тюрков и монгол. До настоящего времени у алтайских тюрков, туркмен, казахов и других народов сохранились многочисленные поверья и приметы, связанные с волком⁹. В этнографических материалах по юго-восточным башкирам роль волка как тотема-покровителя проступает весьма явственно (закапывание волчьего черепа под порог дома, ношение амулетов из волчьих зубов или клыков, использование как лечебного средства волчьей желчи, топонимы и т. д.). Башкиры более отчетливо, чем другие тюркские народы, сохранили пережитки древних представлений о происхождении тюрков от волка (народная этимология этнонима «башкорт», охранительные функции волка как покровителя новорожденных и детей, мужские имена, связанные с волком, и т. д.)¹⁰. Приведенные материалы и аналогии свидетельствуют о центральноазиатском происхождении юго-восточных башкир, об их пребывании в течение какого-то времени в северном Приаралье и низовьях Сыр-Дарьи. Родоплеменные этнонимы усерган, тангаур, бурзян и других народов Центральной и Средней Азии не зафиксированы. Это обстоятельство (а также некоторые другие исторические данные) говорит о сравнительно раннем переселении юго-восточной группы башкир на территорию Башкирии.

б) Северо-восточные башкиры (айле, кошсы, кудей, тыр-наклы) считают, что их предки до переселения на Урал кочевали на отрогах Башкортских гор близ Бухары. Обычно предания повествуют: предки северо-восточных башкир на прежней родине потеряли отару овец (вариант тырнаклинцев — табун лошадей) и в его поисках, идя по следу, пришли на Уральские горы — на свою новую родину. Сюжет предания является более поздней переработкой в соответствии с изменившимися хозяйственными условиями и религиозными представлениями древней тотемистической легенды о волке, как прародителя и путеводителя тюрков. Вариантами такой переработки являются также легенды к песням Конгорбуга и др. Этнонимы айле, куши (кошсы), куди (кудей) зафиксированы в составе туркмен и южных узбеков, причем эти родоплеменные группы включились в этногенез указанных народов до начала монгольского завоевания. В составе северо-восточных башкир есть роды туркмен (кудей), сарт (айле), родовые

подразделения каракалпак, подтверждающие этнические связи Башкирии со Средней Азией в эпоху средневековья. Переселение в Восточную Европу и на Урал айлинской родоплеменной группы башкир могло иметь место не ранее X—XI вв. и не позднее середины XIII в., когда в водовороте бурных событий той эпохи самостоятельное существование в Средней Азии упомянутых племен (и их этнонимов) прекратилось.

в) Шежере и предания племени мин рассказывают о приходе предков минцев из Маверанахра. В генеалогических преданиях и легендах башкир-минцев какие-либо элементы тотемистического плана совершенно отсутствуют. Родоначальник минцев Санаклы, согласно шежере, был ханом в Маверанахре после того, как ушли с политической арены ханы из дома Чагатаев, то есть примерно в середине XIV в. Однако, не выдержав междоусобицы, Санаклы, прозванный Урдас-бием, вместе со своим родом мин переселился на Урал. Жестокая политическая борьба между многочисленными ханами и владельцами Маверанахра в XIV в. историками установлена. Именно в этот период одно из старых военно-политических образований (*мең* — тысяча) тюрков могло стать этнической ячейкой и в качестве таковой принять участие в этнических процессах некоторых народов¹¹. Этноним мин (минг), кроме башкир, зафиксирован в родоплеменном составе лишь узбеков, что подтверждает былое расселение предков минцев в Маверанахре. Отсутствие тотемистических элементов в генеалогической мифологии, позднее (XIII—XIV вв.) происхождение этнонима и ряд других данных позволяют основные минские роды отнести к этническим группам, поселившимся в Башкирии не ранее начала XIV в.

Совокупность материалов, содержащихся в шежере, исторических преданиях и легендах, позволяет в предварительном плане сформулировать следующие выводы:

С периода раннего средневековья существовали тесные этнические связи Башкирии со Средней Азией и северным Приаральем. Имели место, по крайней мере, три значительные волны миграций тюркских родоплеменных групп этих районов на Южный Урал и Приуралье. Переселение юго-восточных башкир (усерган, тангаур и частично бурзян) произошло во второй половине IX — начале X вв., так как в 842—843 гг. эта группа башкир была зафиксирована арабским путешественником Селямом Торжеманом в северном Приаралье, а в 922 г. — Ибн-Фадланом в южном Приуралье¹². Родоплеменные группы айле, кошсы, кудей включились в этногенез башкир в период XI — начале XIII вв. К XIV в. относится расселение в Башкирии основных минских родов.

В исторических преданиях, а также в материальной и духовной культуре большинства восточных башкирских племен достаточно четко выступают элементы центральноазиатского

происхождения¹³. Аналогичные сведения содержатся в шежере: башкиры племени усерган возводили свою генеалогию к Культегину — тюркскому когану VIII в., минцы — к гуинскому хану Баламиру и т. д.¹⁴ Древние предки большинства восточных башкирских родоплеменных групп, так же как и других тюркских народов Средней Азии, выходцы из Центральной Азии. Захваченные волнами движений кочевников, они длительное время кочевали на просторах Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии, постепенно локализуясь в районе Приаралья. Видимо, здесь начался процесс складывания в печенежско-огузской среде древнебашкирской этнической общности, прерванный широким вторжением печенегов, торков, половцев в Восточную Европу. Дальнейшее развитие башкирского этногенеза было перенесено на новую территорию — Южный Урал и Приуралье, где в этническое взаимодействие включились различные по происхождению племенные образования. Тесные этнические контакты Башкирии с Приаральем с формирующимися в народность туркменами, каракалпаками продолжали развиваться на протяжении многих столетий вплоть до середины XIV в., когда они постепенно ослабли в связи с присоединением Башкирии к Русскому государству.

4. Южный Урал, Приуралье и Зауралье с VIII—X вв., а возможно и раньше, заселяли древнебашкирские племена, однако основная область первоначального обитания древних башкирских племен была западнее, на Бугульминско-Белебеевской возвышенности и прилегающих к ней территориях. В шежере, исторических преданиях и легендах восточных башкирских племен юрматы, тангаур и других содержатся сведения о былом расселении их предков по левым притокам Камы — Зай, Шешма, Ик, в долинах рек Ток и Самары. Бурзяне до переселения на Урал кочевали по правому притоку р. Ик — Шадлык. Это находит подтверждение в аналогиях некоторых мотивов генеалогического предания юрматынцев и эпосе «Кусяк и Бабсак», наиболее древние сюжеты которого зародились, очевидно, не на Южном Урале. На переселение башкир с Бугульминско-Белебеевской возвышенности на Южный Урал, происшедшее несколько столетий назад, указывает и повторяемость гидронимических названий упомянутых районов (реки Ик, Стерля, Нугуш, Усень и др.)¹⁵. Расселение древних башкир на этой возвышенности в соседстве с волжскими булгарами подтверждается также сведениями арабских писателей Ибн-Фадлана и Ибн-Русте¹⁶. Бугульминско-Белебеевская возвышенность была, таким образом, в раннее средневековье той территорией, откуда шло заселение древними башкирами северной и восточной Башкирии.

5. Рассматриваемые источники позволяют поставить вопрос о родоплеменном составе башкир накануне монгольского нашествия. Группа башкирских племен и родов носила общее

название *истяк* или *иштяк*; сюда входили усерган, тамьян, тырнаклы, тюбеляс (или кувакан), дуван, кубаляк, сарт, бикатун. К этим племенам примыкали айле, юрми, иракте, байлар, также в разное время относившие себя к истякам. Название «истяк» применительно к башкирам известно с начала XIV в.: среднеазиатский проповедник ислама Рабгузи в 1310—1311 гг. написал жизнь пророков и святых «для народа иштякского»¹⁷.

К группе истяк стали относить себя с XV в. башкиры племени юрматы¹⁸. Позднее, в XVI—XIX вв., истяками называют восточных башкир ногаи и казахи; иногда они это название распространяют на всех башкир, а также на барабинских татар¹⁹. Таким образом, название истяк постепенно стало включать большую часть башкир, хотя первоначально оно обозначало всего несколько племен и родов. Это название, видимо, не имело строго этнического содержания. Среди башкирских родоплеменных образований, относящихся к группе истяк, можно выделить три основных этнических пласта:

а) Племя усерган и часть тамьянцев до переселения на Урал находились в длительном и тесном контакте с предками туркмен и каракалпаков, что нашло отражение в особенностях языка²⁰ и культуры этой части башкир. Наряду с этим в культуре юго-восточных башкир отчетливо сохраняются элементы центральноазиатского происхождения.

б) Племена айле, тырнаклы, бикатун, возможно, иракте, до переселения на Урал также длительное время кочевали в Средней Азии, в Приаралье. Позднее, на Урале, они подверглись сильному влиянию табынских и китайских родов, в культуре которых преобладали восточно-тюркские элементы.

в) Несколько особняком в группе истяк находятся племена юрматы, юрми и, возможно, байляр. Первоначально они не входили в группу истяк; об их связи с Приаральем или Средней Азией также никаких сведений нет. Некоторые данные, требующие подтверждения, заставляют предполагать, что племя юрматы по происхождению связано с гунно-булгарским этническим миром.

Остальные племена и роды (дуван, тюбеляс и кубаляк) причислены к истякам значительно позднее (XVI—XVIII вв.) казахами, которые в этот период под названием истяк начинали объединять всех башкир.

6. Имеет ли название «истяк» (иштяк) общее происхождение с этнонимом обских угров «остяк»? Ответ на этот вопрос требует привлечения более широкого круга источников, особенно лингвистических. В наших же материалах обращают внимание некоторые аналогии в тотемистической мифологии башкир, венгров и обских угров. Упомянутое выше предание о волке в мифологии тюркских народов имеет два основных элемента: волк — прародитель тюрков (или монгол и

волк — покровитель и путеводитель (предводитель) тюрков. Последний сюжет среди тюркских народов хорошо сохранился в башкирском фольклоре. Тотем-покровитель и путеводитель хорошо известен в мифологии и в преданиях древних венгров и обских угров. Хунор и Могор, сыновья предка венгров Менрота, преследуя во время охоты молодого оленя, открыли путь через болота Меотиды на свою новую родину²¹. Любопытна деталь: подобно волку, который исчез, как только ведомые им предки башкир достигли Урала, исчез и очень (по Прокопию Кесарийскому — лань)²², как только идущие вслед за ним древние венгры достигли другого берега Меотиды. Аналогичное предание известно обским уграм: они обрели свою родину, идя вслед за коровой (Епеш) или оленем.

Сходство и общий источник происхождения этих преданий, очевидно, трудно отрицать. Большинство исследователей полагают, что сюжет предания о тотеме-животном, помогающем найти родину, имеет восточное, центральноазиатское, точнее, гуннское происхождение. Если принять эту хорошо аргументированную в научной литературе точку зрения, то придется признать существование в прошлом исторических или этнических связей между предками угров и башкир. Однако этнографические и языковые факты, подтверждающие сколько-нибудь активные этнические контакты древних башкир и угров, исследователями пока не обнаружены²³. Речь, видимо, идет о тесных исторических (территориальных) контактах предков башкир и угров в гуннской среде. Эти контакты могли иметь место на обширной территории северного Приаралья, Южной и Западной Сибири, в том числе в верхнем и среднем течении р. Оби. Именно здесь часть угров (предки манси и ханты), предки башкир могли получить общее название остяк (иштяк), хотя в научной литературе существует мнение и о возможности образования «остяк» и «иштяк» различными путями²⁴. Что касается венгров, то для них название «остяк» осталось неизвестным, так как, вероятно, их передвижение в Восточную Европу состоялось значительно раньше распространения этого этнонима.

7. Таковы примеры, показывающие возможность (хотя и ограниченную) использования шежере, исторических преданий и легенд в этногенетических исследованиях. Результативность анализа этих источников повышается по мере накопления общего исторического материала и расширения исторического фона исследуемой темы. Такой подход позволяет несколько смягчить недостатки наших источников: хронологическое смещение событий, трудность, а иногда и невозможность датировки и т. д. Эти обстоятельства, однако, подсказывают лишь необходимость более тщательного анализа шежере, исторических преданий и легенд, ничуть не отвергая возможности и целесообразности их широкого использования.

¹ М. Өмөтбаев. Ядкар. Казан, 1897; Морат Рәмзи. Тәлфик әл-әхбар вә тәлких әл-әсар..., т. I. Оренбург, 1907; Б. Юлуев. К этнографии башкир. «Этнографическое обозрение», 1892, № 2, 3; М. В. Лоссиевский. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883; Д. Н. Соколов. Опыт разбора одной башкирской летописи. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 4. Оренбург, 1898; П. Небольсин. О башкирах. «Вестник Русского географического общества» (РГО), кн. 4, 1852; Ф. Д. Нефедов. В горах и степях Башкирии. «Русская мысль», 1882, № 2, 5, 12.

² С. Мирасов. Башкорттарзың боронго тарихе. «Башкорт аймағы», 1926, № 2. «Последний из Сартаева рода» (башкирское предание, запись М. Касьянова; хранится в научном архиве УИИЯЛ).

³ Р. Кузеев. Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству, «Советская этнография», 1957, № 4; Ф. Хөсәинов. Башкорт әзәбиәте тарихенә карата. «Башкортостан укытучысы», 1958, № 9; Ә. Харисов. Башкорт халкының әзәби мирасы. Өфө, 1965.

⁴ А. Н. Кононов. Родословная туркмен... М.—Л., 1958; Т. А. Жданко. Проблема этногенеза каракалпаков. «Краткое сообщение института этнографии» (КСИЭ), 1962, № 36; С. М. Абрамзон. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 2. Фрунзе, 1959; Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. М., 1964.

⁵ Р. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

⁶ Несколько шежере найдено и скопировано Н. Шункаровым (шежере племен байляр, буляр и др.); шежере племени кыпсак обнаружено М. Рахимкуловым в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

⁷ Научный архив УИИЯЛ, ф. 3, оп. 12, д. 272, 292.

⁸ Р. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 50—52, 54, 58; Ф. Д. Нефедов. Указ. соч., № 2, стр. 71; Научный архив УИИЯЛ, ф. 3, оп. 12, д. 292, л. 12 (история песни Конгор-буга).

⁹ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9, 10, стр. 12—15; Л. П. Потапов. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. КСИЭ, 1958, № 30, стр. 136—140; Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. «Живая старина», 1916, т. 25, вып. 2, 3, стр. 171, 172; К. Насыров. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суннитского магометанства. «Записки РГО по отделению этнографии», т. 6. СПб., 1880, стр. 266; Г. Карпов. Родословные туркмен. «Туркменоведение», 1929, № 1, стр. 56.

¹⁰ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. I. Уфа, 1956, стр. 31; Г. И. Стрижевский. Ответы Капитона Стрижевского на программу В. Н. Татищева. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 25, вып. 1. Казань, 1909, стр. 173.

¹¹ История Узбекской ССР, т. I, кн. I. Ташкент, 1955, стр. 309—312; А. А. Валитова. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. «Кутадгу-билг». М., 1964, стр. 10.

¹² Н. И. Пантусов. Сведения арабских географов о Средней Азии. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 25, вып. 5. Казань, 1909, стр. 95, 96; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 66, 67.

¹³ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 328—352; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, стр. 149, 154, 156, 241, 242; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. I. Уфа, 1962, стр. 178—201; Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир. В кн.: «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа, 1964, стр. 174, 175.

¹⁴ С. Мирасов. Башкорттарның боронғы тарихы «Башкорт аймагы», 1927, № 2, бит. 7, 8.

¹⁵ Г. Вильданов. Несколько слов о происхождении названий рек в прежней Башкирии. «Краеведческий сборник», 1930, № 3, 4; М. Сагитов в рукописи «Башкирское народное сказание «Бабсак и Кусяк» проводит интересные аналогии в способах погребения Бабсак-бия в так называемых «богатырских курганах» в Белебеевском уезде (стр. 44).

¹⁶ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 63—66; Д. Хвольсон. Известия о хозарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Ибн-Дада. Журнал министерства народного просвещения, 1868, декабрь, стр. 669, 670.

¹⁷ События в Уфимском крае до основания г. Уфы. «Выписка из рукописи татарского переводчика Уметбаева». Рукопись хранится в секторе археологии и этнографии УИИЯЛ.

¹⁸ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 29, 33, 173, 174.

¹⁹ В. Н. Татищев. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, стр. 237; Н. Казанцев. Описание башкирцев. СПб., 1866, стр. 3, 4; С. Соммье. О башкирах. Екатеринбург, 1891, стр. 24;

²⁰ Дж. Г. Киекбаев. Фонетика башкирского языка. М., 1959, стр. 3.

²¹ György György. Krónikáink és a magyar őstörténet. Budapest, 1948, стр. 181, 182.

²² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 386.

²³ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 351; Б. А. Серебренников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 22, 23; М. С. Акимова. Некоторые итоги изучения палеоантропологии Приуралья и вопрос о древних венграх. М., 1964, стр. 5, 6; Р. Г. Кузеев и Т. М. Гарипов. «Башкирмадьярская» проблема. В кн.: «Археология и этнография Башкирии» т. 1, стр. 342.

²⁴ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, стр. 41, 42.

Н. А. Мажитов

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1965 г. И ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА ПЕРИОДА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

1. В истории населения степной части Южного Урала эпохи железа еще много неясного. Между тем изучение данной проблемы имеет существенное значение в разработке древней истории всего Урала и Прикамья. Не зная истории и этнического состава населения южноуральских степей, невозможно правильно осветить ход исторического развития племен северных районов, которые всегда находились под активным влиянием кочевников.

Институт летом 1965 г. организовал первую крупную экспедицию в юго-восточную часть Башкирии и Челябинскую область. Работы экспедиции носили разведочный характер. Это сказалось в ее результатах: в числе открытых памятников представлены основные хронологические периоды от эпохи камня до позднего средневековья.

2. Открыто 12 стоянок эпохи камня (мезолит, неолит), которые располагаются по верхнему течению р. Урал. Разведочные раскопки и сравнительно небольшой подъемный материал вместе с ранее известными сведениями (исследования Л. Я. Крижевской, Г. Н. Матюшина) свидетельствуют, что этот край был довольно плотно заселен еще в глубокой древности.

Большое количество выявленных курганных могильников предвительно датируется эпохой бронзы. В этнокультурном отношении эти курганы можно рассматривать как памятники срубно-андроновского типа, но для более определенного решения вопроса нужны новые полевые исследования. Экспедицией выявлен также своеобразный тип больших курганов диаметром более 40 м, высотой в несколько метров, одиноко разбросанных в открытой степи. Ни один из этих курганов

пока не раскопан, поэтому время засыпки их остается нам неизвестным.

3. Открытие типично сарматских курганов около г. Сибая окончательно вносит ясность в вопрос о пребывании сарматских племен на Южном Урале. Ввиду того, что до сих пор в зауральской части Башкирии и прилегающих к ней районах не были известны памятники, которые можно было уверенно отнести к числу сарматских, по этому вопросу имелись противоречивые суждения.

Сибайские курганы по погребальным обрядам (ямы с подбоями, захоронения с обезглавленной тушей барана) и вещам (сосуды) идентичны со Старо-Киешкинскими и Прохоровскими курганами и датируются примерно III—II вв. до н. э.

4. Интерес вызывает открытие группы курганов, сложенных исключительно из камней. Средний диаметр таких сооружений 8—12 м при высоте от 30 см до 2 м. Как правило, курганы сосредоточены по одному на высоких горных вершинах, но есть несколько случаев, когда они располагались небольшими группами (4—5 курганов) на равнинном месте. Любопытно, что вблизи одиночных курганов всегда имеются небольшие каменные кучи диаметром около 1 м, высотой 20—40 см. В одном непотревоженном кургане обнаружена неглубокая могила, в которой с костями человека найдено два глиняных сосуда, бронзовое зеркало в кожаном мешочке, мозаичные бусы, железный нож, наконечник стрелы и глиняное пряслице. Но в некоторых курганах, расположенных на возвышении, каких-либо следов могил и человеческих захоронений не обнаружено: под камнями, на уровне горизонта здесь обычно находятся обломки разбитых глиняных сосудов, бронзовых зеркал, костей (зубы) животных и т. п. Пока трудно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с явлением трупосожжения. Не исключено, что курганы здесь сложены над умершими, оставленными на каменной поверхности земли и в последствии полностью сгнившими. В центре некоторых курганов (нераскопанных) можно увидеть оседание камней, напоминавшее впадины над могилами. Возможно, что оседание здесь произошло от разрушения каких-то внутренних могильных сооружений типа деревянного сруба, где, видимо, покоился прах умершего.

Каменные курганы на Южном Урале известны по небольшим раскопкам Н. К. Минько, М. Г. Мошковой, которая в 1958 г. в восточных районах Оренбургской области обследовала несколько аналогичных по устройству каменных курганов, где были обнаружены следы трупосожжения на уровне горизонта¹. Указанные курганы автором раскопок отнесены к савроматскому времени. Курганы, исследованные экспедицией 1965 г., ориентировочно датируются не раньше сарматского времени, последними столетиями до нашей эры.

Очень сложно решается пока вопрос об этнокультурной принадлежности каменных курганов. К. Ф. Смирнов², а вслед за ним и М. Г. Мошкова³ ранее известные каменные курганы рассматривали в качестве своеобразного восточного варианта единой савроматской культуры, сохранившей черты местной андроновской культуры, где широко был распространен обряд трупосожжения. Хотя территориально, хронологически и в некотором отношении культурно (вещевой материал) каменные курганы очень близки к сарматским, считать их сарматскими, по-видимому, нельзя. Этому положению противоречит погребальный обряд, совершенно чуждый для сарматских племен. Сарматы западного Приуралья и Поволжья никогда не строили курганов исключительно из камней; для них чужды захоронения на горах и на уровне горизонта. Каменные курганы Южного Урала оставлены племенами совершенно другого этнического происхождения. Это подтверждается фактом открытия здесь настоящих сарматских курганов с характерным для них погребальным обрядом и инвентарем и свидетельствует о том, что сарматы составляли лишь определенный компонент населения южноуральских степей.

Различия, отмеченные между каменными и сарматскими курганами, приобретают особое значение в том плане, что каменные курганы по своему устройству близко напоминают горноалтайские типа Пазырык. Эти же аналогии позволяют высказать новую точку зрения по вопросу об этнической принадлежности каменных курганов Южного Урала: они оставлены раннетюркскими племенами, переселившимися на Южный Урал из южносибирских, предалтайских степей. Надо отметить, что окончательное решение этого вопроса зависит от определения этнической принадлежности пазырыкских курганов Алтая.

Вопрос о пребывании древнетюркских племен на Южном Урале еще в сарматское время в исторической науке впервые поставлен С. И. Руденко, который считал, что часть населения Южного Урала еще в савроматское время «говорила на одном из древнетюркских языков». По его мнению, горноалтайские племена, захороненные в пазырыкских курганах, в языковом отношении также могли быть древними тюрками⁴. Нам кажется, что переосмысливание археологических культур Алтая, Южной Сибири и Южного Урала сарматского периода под этим углом зрения сулит большие перспективы для этногенетических исследований археологов, этнографов, лингвистов. В этом плане вызывает интерес само название пазырыкских курганов, которое происходит от древнетюркского слова *басырык*-пазырык⁵. Наиболее древние элементы орнаментального искусства многих тюркских народов также восходят непосредственно к культуре горноалтайских племен.

Косвенным доказательством тюркской принадлежности

каменных курганов могут служить самые ранние письменные источники о населении южноуральских степей. Античные авторы первых веков нашей эры недвусмысленно говорят о пребывании здесь определенной группы гуннов. В записях Клавдия Птоломея, автора II в н. э., мы находим известие о том, что между гуннами и роксоланами живут бастерны⁶. Вполне вероятно, что упомянутая здесь этнонимия «бастерны» является искаженной формой наиболее древнего этнонима башкорт. В связи с этим интересным нам кажется предположение А. Г. Бишева о том, что этноним башкорт в древности мог иметь вариант с окончанием —Н⁷. На Южном Урале пока нет другой группы памятников, кроме каменных курганов, которые могли бы быть связаны с более ранними этапами пребывания здесь упомянутых гуннских племен. По мнению лингвистов, башкирский язык имеет много особенностей, отличающих его от всех остальных современных тюркских языков, и сохранил некоторые явления, восходящие к пратюркскому языку (например, звук З в соответствии R||З)⁸.

Эти особенности они объясняют тем, что древние носители башкирского языка очень рано отделились от основной массы тюркоязычных племен. В этом плане наши наблюдения близко сходятся с выводами лингвистов.

5. Муракаевские и Хусайновские курганы являются первыми известными памятниками, освещающими самый сложный период средневековой истории (VII—X вв.), связанный с формированием башкирской народности. Эти памятники по своей культуре очень близки курганам в северо-восточной части Башкирии (исследования 1963—1964 гг.), которые связываются нами с определенной группой раннебашкирских племен.

6. Раскопки так называемого кургана Бабсак-бия были предприняты с целью обнаружения археологических доказательств об исторической достоверности башкирского эпоса «Бабсак-бий и Кусяк-бий».

Раскопками обнаружено сильно потревоженное погребение, которое можно рассматривать как предполагаемую могилу Бабсак-бия. Сам факт сильной потревоженности как будто говорит в пользу древнего происхождения могилы, и в этом плане результаты раскопок увязываются с данными предания. Это же исключает позднее, мусульманское происхождение захоронения, в противном случае оно было бы совершенно без вещей и его незачем было грабить.

Раскопки не подтвердили эпического сказания о наличии курганной насыпи над могилой Бабсак-бия. Данная версия, вероятно, возникла позднее, что тем более возможно, так как эта могила устроена на небольшом возвышении, которое местными жителями могло быть ошибочно принято как курган.

7. Раскопки у с. Береково Мелеузовского района выявили интересное позднесредневековое поселение башкир (около XV—XVIII вв.). Материалы раскопок очень скромные. Дальнейшие поиски и исследования подобных памятников надо продолжить, так как они дадут необходимый материал, связывающий археологические источники с современной этнографией.

¹ М. Г. Мошкова. Сарматские курганы в Оренбургской области. В кн. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии», вып. 83. М., 1961, стр. 115—125.

² К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 68, 82, 187.

³ М. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 124.

⁴ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 328, 329.

⁵ «Совет Башкортостаны», 23 января 1966 г.

⁶ В. В. Латышев. Известия древних писателей о скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1948, № 2, стр. 236.

⁷ А. Г. Бишев. Башкорт һүзе кайзан килэ. «Агизель», 1962, № 8, стр. 95.

⁸ А. Г. Бишев. Соответствие р||з в алтайских языках. В. сб.: «Исследования по уйгурскому языку». Алма-Ата, 1965.

А. Х. Пшеничнюк

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ КАРА-АБЫЗСКИХ ПЛЕМЕН

В эпоху раннего железа на территории Башкирии наблюдается значительная неоднородность и разнокультурность археологических памятников.

В южных степных районах в этот период кочевали ираноязычные племена савроматов, а позднее — сарматов¹. Северо-западные районы (Нижняя Белая) были заселены финно-угорскими племенами ананьинской, а позднее пьяноборской культуры². Восточные горно-лесные районы изучены еще очень слабо. Предположительно можно считать, что в этих районах обитали племена каменогорской (гамаюнской) культуры³. Более поздние периоды очень бедно представлены памятниками с керамикой, близкой лесостепной зауральской гороховской⁴ — селище Юкаликулевское (раскопки К. В. Сальникова, 1964 г.), нижний слой Торналинского городища (раскопки Н. А. Мажитова, 1964 г.).

Если южные сарматские и северные пьяноборские памятники дают относительно чистые культурные комплексы, то в центральных районах, на правом берегу среднего течения р. Белой, прослеживается большая смешанность в материалах. Основными на этой территории являются памятники так называемой кара-абызской (уфимской) культуры. Раскопки могильников и поселений этого типа позволили определить в основном их хронологические рамки, территорию распространения, основные характерные черты. Высказаны предположения в отношении культурной и этнической принадлежности их.

Основным объектом раскопок в 1965 г. явились городище Охлебининское II (Ак-Таш) и могильник. Памятники расположены на высокой обрывистой террасе правого берега р. Белой в 5 км на восток от с. Охлебинино Нуримановского района, у устья р. Сим⁵.

На городище было заложено два раскопа общей площадью 172 кв. м и двухметровой траншеей прорезан вал и ров. Куль-

турный слой серого цвета, от большой примеси золы имеет толщину от 40 до 100 см, обильно насыщен битыми костями животных, обломками глиняных сосудов.

Керамика представлена четырьмя группами: 1) кара-абызской; 2) сарматоидной; 3) ананьинской; 4) убаларской. Подавляющее большинство — 86 процентов — составляет кара-абызская керамика, 6,8 — сарматоидная, 2,2 — позднеананьинская и 5 — убаларская. Стратиграфически выделяется только убаларская группа — она встречается лишь в I и изредка II штыках и совершенно отсутствует в нижних.

Из вещей встречены костяные тупики, глиняные пряслица, бронзовые наконечники стрел, железные ножи. В раскопе II на глубине 25 см обнаружен клад золотых, бронзовых и стеклянных изделий.

Могильник занимает частично западную окраину городища и тянется дальше на запад вдоль берега на 600 м. Нами было заложено в разных местах 5 раскопов и вскрыто 115 погребений. Погребения совершены в простых могильных ямах, часто обложенных у дна камнями, костяки лежат на спине, вытянуто. Ориентировка неустойчивая, но в большинстве случаев ногами к реке.

Хронологически все погребения делятся на две неравные группы: 1) ранние, IV—III вв. до н. э. (10 погребений) и 2) поздние — конец II в. до н. э. — II в. н. э.

Почти во всех погребениях имелись вещи: в женских — украшения, мужских — вооружение.

Для женских погребений IV—III вв. до н. э. характерны височные подвески восьмеркообразной формы, шейные проволочные гривны и браслеты с заходящими концами, бронзовые поясные крючки, мелкие бронзовые обоймочки. В мужских погребениях обычны бронзовые наконечники стрел.

Инвентарь поздних погребений богаче. Женские костяки сопровождалась височными подвесками в виде знака вопроса, сделанными из бронзовой или золотой проволоки, или петлевидной формы; разнообразными наборами стеклянных и каменных бус; своеобразными поясами, украшенными массивными бронзовыми накладками с изображениями голов горных козлов и с застежками в виде больших дисковидных блях. Во многих погребениях большое количество бронзовых украшений находится в ногах — различные обоймицы, бляшки, накладки. Для мужских погребений характерны железные наконечники стрел и копий, колчаные крючки, железные однолезвийные мечи, часто с бронзовыми наконечниками ножен, железные удила, остатки поясных ремней в виде бронзовых, железных или костяных пряжек, а иногда и накладок из зубов животных.

Часто в поздних погребениях прослеживаются остатки древесной коры, видимо, умерших завертывали в лубок. Обяза-

тельной находкой во всех погребениях являются кости барана и железные ножички. В ряде могил встречены маленькие сосудики в виде чаш без орнамента или горшочков, орнаментированных по плечикам резными зигзагами.

Небольшие раскопки в 1965 г. были произведены у дер. Шипово, находящейся в 12 км от с. Охлебинино ниже по р. Белой. Здесь также обнаружены могильник и городище, относящиеся ко времени рубежа нашей эры.

На могильнике вскрыто всего 11 погребений, давших материал, полностью аналогичный поздним охлебининским погребениям. На городище, занимающем территорию около 15 га, заложена траншея 2×10 м, давшая богатый керамический материал. В керамике городища выделяется всего две группы: сарматоидная, составляющая большинство, и убаларская. Имеется также значительное число сосудов промежуточного характера, сочетающих в себе элементы обеих групп, что дает основание для предположения о генетической связи убаларской керамики с сарматоидной. Культурный слой, как и на городище Ак-Таш, богато насыщен золой. Из вещей найдены глиняные пряслица, каменные оселки и костяные тупики, аналогичные охлебининским. Судя по этим находкам, время Шиповского городища и могильника в основном совпадает.

Таким образом, произведены раскопки на четырех памятниках: двух городищах и двух могильниках, относящихся ко времени IV в. до н. э. — II в. н. э.

Охлебининский и Шиповский могильники не единичны на территории Башкирии. Ближайшей аналогией им является Уфимский, Биктимировские, Ново-Уфимский, Галановский, которые всеми исследователями связываются с поселениями типа Кара-Абъз. Охлебининское городище, расположенное рядом с Охлебининским могильником, в подавляющем большинстве дает кара-абызскую керамику, и, казалось бы, нет оснований сомневаться в однокультурности этих памятников. Присутствие же незначительного количества сарматоидной и позднеананьинской керамики обычно и для других кара-абызских поселений. Однако серьезные возражения вызывает наличие в поздних погребениях Охлебининского могильника глиняных сосудов убаларского типа, орнаментированных резными зигзагами. В небольшом количестве аналогичная керамика обнаружена в верхних слоях Охлебининского городища. В других же поселениях с кара-абызской керамикой она отсутствует, нет ее и в могильниках. Но в то же время есть поселения с чистым убаларским керамическим комплексом (Убалар, селище Магаш). Возникает противоречие: с одной стороны, Охлебининский могильник по погребальному обряду и вещевому материалу аналогичен Уфимскому, Биктимировским и другим могильникам, и его следует связывать с кара-абызскими поселениями; с другой — по керамике

он связывается с убаларскими. Подобная же картина наблюдается и в Шиповском комплексе памятников: могильник по обряду и материалу кара-абызский, а керамика рядом расположенного городища — сарматоидная и убаларская.

Окончательно разрешить это противоречие при существующем уровне наших знаний не представляется возможным. Здесь можно лишь высказать некоторые предположения.

Из четырех керамических комплексов самую немногочисленную составляет позднеананьинская керамика, совершенно нет поселений только со шнуровой керамикой; она всегда встречается совместно с кара-абызской. Очевидно, ее не следует противопоставлять кара-абызской керамике, а рассматривать обе эти группы как однокультурные, тем более, что они близки между собой и имеют единую основу.

Немало общего можно обнаружить и между сарматоидной и убаларской группами керамики. Как показали раскопки Шиповского городища, между ними прослеживается генетическая связь; убаларская керамика явилась результатом развития сарматоидной. Следовательно, эти две группы также нужно объединить, а их различия рассматривать как хронологические.

Таким образом, на территории Центральной Башкирии намечаются две этнокультурные группы: кара-абызская и сарматоидно-убаларская, которая локализовалась по правому берегу р. Белой приблизительно от с. Табынское до г. Уфы.

Кара-абызские племена были, очевидно, более многочисленным и прочным объединением и сохранили свою самостоятельность и самобытность вплоть до раннего средневековья. Однако, живя по соседству, а частично и на одной территории с сарматоидно-убаларскими племенами, кара-абызцы вступали в какие-то контакты с последними; происходил, вероятно, процесс взаимовлияния и смешения этих племенных групп, что приводило в конечном счете к унификации материальной культуры. Этому процессу способствовал, видимо, однотипный хозяйственный уклад — земледелие и пастушеское скотоводство, с преобладанием последнего.

Что же нового дают материалы раскопок 1965 г.?

1. Раскопки Охлебининского и Шиповского могильников дали богатый материал по эпохе рубежа и первых веков нашей эры, того времени, которое до сих пор было очень слабо представлено на территории Центральной Башкирии.

2. Огромные по площади и насыщенности выявленные городища и могильники опровергают утверждение о слабой заселенности Башкирии в эпоху раннего железа⁶.

3. Смешанность и разнородность археологических памятников, которую мы наблюдаем в эпоху раннего железа на правом берегу среднего течения р. Белой, предварительно можно рассматривать как результат обитания здесь двух этнокуль-

турных племенных групп и процесса взаимовлияния и смешения их.

¹ М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки. В кн. «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, 1962.

² В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. В сб. «Вопросы археологии Урала», вып. 4. Свердловск, 1963.

³ Л. Я. Крижевская. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. В кн. «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, 1962.

⁴ К. В. Сальников. Иткульская культура. Краеведческие записки, вып. 1. Челябинск, 1962.

⁵ А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике кара-абызских поселений. В кн. «Археология и этнография Башкирии», т. 2. Уфа, 1964, стр. 95.

⁶ В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. В кн. «Археология и этнография Башкирии», том 2. Уфа, 1964, стр. 114.

СОДЕРЖАНИЕ

К. А. Ахмедьянов. Основные тенденции развития современной башкирской литературы	3
Г. Б. Хусаинов. Стилиевые особенности башкирской советской литературы 20-х годов	8
А. И. Харисов. Новые источники по истории дореволюционной литературы	15
С. А. Галин. О взаимодействии башкирского устнопоэтического творчества и литературы	21
Ф. А. Надршина-Сознинова. Исторические основы башкирских пословиц (дореволюционный период)	26
М. Г. Рахмкулов. Некоторые итоги разработки темы «Русские писатели о Башкирии»	29
К. З. Ахмеров. Современная орфография башкирского литературного языка и ее совершенствование	32
Т. М. Гарипов. К установлению звукового состава старотюркских письменных памятников Башкирии и его соответствиях в современных тюркских языках Урало-Поволжья	36
Н. Х. Максютова. Диалектография башкирского языка	42
С. Ф. Миржанова. Кубалякский говор и его отношение к другим говорам башкирского языка	45
З. Г. Ураксин. Синонимы с точки зрения соотношения мышления и языка (на материале башкирского языка)	50
Т. Х. Ахмадиев. Подготовка кадров рабочего класса в Башкирии в годы первой пятилетки	54
А. М. Янгалин. Некоторые вопросы повышения культурно-технического уровня рабочих Башкирии в послевоенные годы	59
Л. А. Вагапова. К вопросу о материальном положении рабочего класса Башкирии в 1921—1928 гг.	63
А. Н. Усманов. Борьба большевиков Башкирии за созыв III съезда партии и выполнение его решений	67
Х. Ф. Усманов. Крестьянские переселения на Южный Урал в пореформенный период	71
Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Новые сведения о численности башкир в XVIII—XIX вв.	76
С. Н. Шитова. Башкирские костюмные комплексы XIX — начала XX вв. и районы их распространения	80
Р. Г. Кузеев. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью (по данным шежере, исторических преданий и легенд)	85
Н. А. Мажитов. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа	94
А. Х. Пшеничнюк. Об этнокультурных контактах кара-абызских племен	99